

18+

К.-А. ТАКЕР

ОДНА МАЛЕНЬКАЯ ЛОЖЬ

Напряженно, горячо, чувственно... Вся палитра эмоций в одном романе.
КОЛИН ГУВЕР, автор бестселлера «Ключи от твоего сердца»

Annotation

Это история о Ливи, которая наконец больше не боится потерять сестру – единственного родного человека. Теперь она может учиться, построить отличную карьеру и обязательно встретить надежного и приличного парня, за которого однажды выйдет замуж.

Что не входило в этот план, так это студенческие вечеринки, милая тусовщица-соседка по комнате и Эштон, красивый капитан мужской команды по гребле, который никак не может быть ТЕМ САМЫМ.

Однако только у него получается вытащить на поверхность совсем иную Ливи, с которой никто не знаком.

Читайте продолжение бестселлера «Десять маленьких вдохов».

К.-А Такер

Одна маленькая ложь

К. А. Tucker

ONE TINY LIE

Печатается с разрешения издательства

Atria Books, a division of Simon&Schuster, Inc и литературного агентства Andrew Nurnberg

Copyright © 2014 by Kathleen Tucker

© Н.Ф. Орлова, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Посвящается

Лин и Сэди: Живите своей жизнью.

Полу: Спасибо за помощь с детьми.

Стейси: Ты лучший литагент.

*Я ухожу. Ухожу от чужих голосов, от разочарований и крика
Ухожу от своих заблуждений, сожалений, ошибок. Ухожу от
чужих ожиданий, которых мне не оправдать. Потому что все это
ложь.*

Глава первая. Слишком правильная

Июнь

– Ливи, по-моему, ты в глубокой заднице.

Я давлюсь куском чизкейка, и крошки веером летят на стеклянный стол веранды. Да, чувство юмора у моей сестры более чем своеобразное. С этим ничего не поделаешь.

– Кейси, не смешно ни разу.

– Согласна. Не смешно.

То, как она это говорит, – спокойно, ласково – вызывает у меня чувство тревоги. Смахнув крошку с нижней губы, заглядываю ей в лицо – нет ли подвоха. Не заметно.

– Это шутка?

– Отнюдь.

Мне страшно, к горлу подступает ком.

– Ты что, опять подседа на колеса?

В ответ сестра молча, не мигая смотрит мне в глаза.

Нет, тут что-то не так. Подвигаюсь ближе и всматриваюсь в ее лицо – зрачки не расширены, белки не воспалены. Я привыкла искать у сестры признаки наркомании с тех пор, как мне исполнилось двенадцать. Ничего. Только ясный взгляд незамутненно-чистых голубых глаз. Позволяю себе с облегчением перевести дыхание. По крайней мере, на эту дорожку мы не вернулись.

Нервно хохотнув, тяну время, лихорадочно соображая, что бы такое сказать, и отправляю в рот очередную порцию торта. Только кофейный вкус теперь отдает горечью, а тесто – как песок. С усилием глотаю.

– Ливи, ты слишком правильная. Правильная во всем – в мыслях, словах, поступках... Ты никогда не причинишь никому зла. Если тебя ударят по щеке, еще сама и извинишься. Неужели тебе никогда не хотелось врезать мне как следует, когда я начинаю гнать пургу? Похоже, ты вообще не умеешь злиться. Как будто ты плод любви матери Терезы и Ганди. Ты... – Кейси умолкает, подыскивая нужное слово, а потом говорит: – Ты охренительно правильная.

Я съеживаюсь – Кейси, когда входит в раж, патронов не жалеет. И хотя я привыкла к этому с детства, мне от этого не легче.

– Думаю, рано или поздно ты сломаешься и набросишься на меня, как Амелия Дайер.

– Кто это? – хмуро интересуюсь я и слизываю последние крошки с нёба.

Сестра небрежно отмахивается.

– Ну, та женщина из Лондона, которая прикончила уйму младенцев...

– Кейси! – возмущенно обрываю ее.

Она закатывает глаза и бормочет:

– Ладно, дело не в этом. Дело в том, что Штейнер согласился с тобой побеседовать.

Чем дальше, тем смешнее!

– Что? Но я... Мне... Ты это о докторе Штейнере? – Нет, у меня просто нет слов. При чем тут ее психотерапевт? Руки у меня начинают дрожать. Ставлю тарелку на сервировочный столик – чудом не роняю на пол. Когда Кейси предложила вместе выпить чаю на веранде и полюбоваться закатом над Майами-Бич, я подумала, какая она милая. А теперь она зачем-то

навязывает мне беседы с психиатром. – Кейси, я в полном порядке, врач мне не нужен.

– А я и не говорила, что нужен.

– Тогда в чем дело?

Нет, отвечать напрямую она не собирается. Просто давит на мое чувство вины, продолжая тем же ровным тоном:

– Ливи, сделай это ради меня. Помнишь, три года назад ты попросила меня лечь в клинику и я согласилась. Ради тебя. Мне не хотелось, но я...

– Тебе это было необходимо! Ты была в жутком состоянии!

И это еще мягко сказано. Семь лет назад, когда наши родители погибли в аварии (в них врезался автомобиль с пьяным водителем), Кейси скатилась на самое дно – наркотики, ночные гулянки, драки. А три года назад дно опустилось еще ниже – я боялась, что потеряю и сестру.

Но доктор Штейнер вернул мне ее.

– Да, мне это было нужно, – соглашается она, поджимая губы. – Но ведь я не прошу тебя обращаться в клинику. Я прошу об одном: просто поговори с ним, когда он позвонит. Только и всего. Ради меня, Ливи.

Все это звучит настолько странно (я бы даже сказала – безумно), но я точно знаю: Кейси говорит абсолютно серьезно. Я вижу это по тому, как она сжимает руки в кулаки и покусывает нижнюю губу. Она искренне беспокоится за меня. Молча поворачиваюсь к заливу, смотрю на последние лучи солнца на воде и размышляю.

Что вообще мне может сказать доктор Штейнер?! В этом году я с отличием закончила школу и собираюсь в Принстон, а потом в медицинский. Я люблю детей, животных и стариков. У меня никогда не было желания отрывать крылышки насекомым или поджаривать их с помощью увеличительного стекла. Да, я порой бываю рассеянна. И при виде красивых парней я покрываюсь испариной. А когда меня пригласят на первое в жизни свидание, я, может, и вовсе хлопнусь в обморок. Если не утону в луже пота еще до того, как меня туда пригласят.

Однако все это вовсе не означает, что я, того и гляди, стану очередным маньяком. Впрочем, мне нравится доктор Штейнер, несмотря на все его странности, и я его глубоко уважаю. Так что разговор с ним будет вполне приятен. Наверняка это окажется непродолжительная беседа...

– Ладно, почему бы не поговорить один разок по телефону? – соглашаюсь я и добавляю: – И нам надо обсудить с ним твою работу по психологии. И если увидишь у меня над головой красный сигнальный флажок, значит, я начинаю ставить под сомнение твой долгосрочный карьерный рост.

Кейси с облегчением прислоняется к спинке стула и довольно улыбается.

А я понимаю, что сделала правильный выбор.

Сентябрь

Иногда бывает так: примешь решение, а потом начинаешь в нем сомневаться. И вроде бы не сожалешь о нем. Понимаешь, что, *возможно*, сделала правильный выбор и, *возможно*, так будет лучше. Однако тратишь кучу времени на раздумья о том, какого черта поступила именно так.

До сих пор теряюсь в догадках, почему же я согласилась на тот единственный разговор

по телефону. Вспоминаю об этом каждый день. И сейчас тоже об этом думаю.

– Ливи, я же не предлагаю тебе сняться в сериале «Девчонки отрываются по полной». – Доктор Штейнер «включил» свой ровный и убедительный тон, противиться которому невозможно.

– Откуда мне знать? Три месяца назад вы предложили мне побеседовать с орангутангом. Так и было.

– Неужели уже три месяца прошло? Ну и как поживает старина Джимми?

Я прикусываю язык и делаю вдох-выдох, чтобы не сказать что-нибудь колкое.

– Сейчас мне не до шуток, доктор Штейнер. – И это правда. На самом деле. Светит солнце, на улице тепло, а я везу свой розовый чемодан и любимый кактус к общежитию, вокруг меня сотни таких же растерянных студентов и встревоженных родителей. Сегодня день заселения, и меня мутит после перелета. Так что внезапный звонок в стиле доктора Штейнера мне сейчас точно не по силам.

Однако деваться некуда.

– Да, Ливи. Пожалуй, так и есть. Наверное, надо было внести изменения в расписание наших с тобой сеансов, раз сегодня у тебя перелет в Нью-Джерси. Однако ты этого не сделала, – спокойным тоном указывает мне доктор Штейнер.

Оглядываясь по сторонам – вдруг меня кто-то слышит? – я невольно съеживаюсь, еще ближе подношу трубку к губам и шепотом отвечаю:

– Сеансов? О чем вы? Разве я на лечении?

Хотя, удивляясь, я несколько грешу против истины.

Да, в каком-то смысле я на лечении – с того самого приятного июньского вечера, когда моя старшая сестра поймала меня в ловушку под прикрытием кофейного чизкейка. Доктор Штейнер позвонил мне на следующее утро. В свойственной ему манере он начал разговор не с традиционных «привет» или «рад вас слышать», а сразу сказал:

– Насколько я понял, ты бомба с часовым механизмом. И часики уже тикают.

Далее разговор перешел на общие темы. Мы побеседовали о моих блестящих академических успехах, о том, что у меня нет личной жизни, о моих надеждах и мечтах, о планах на будущее. Немного поговорили о моих родителях, правда, не вдаваясь в подробности.

Помню, положив трубку, я улыбалась, в полной уверенности, что он скажет Кейси, мол, у сестренки все в порядке, отлично адаптирована, так что можете продолжить охоту на ненормальных в каком-нибудь другом месте.

Когда в следующую субботу у меня на телефоне высветился тот же чикагский номер, я более чем удивилась. Но ответила. И с тех пор каждую субботу в десять утра послушно отвечаю на звонки доктора Штейнера. Я так и не видела ни счета, ни медицинской карты, и ни разу не была в кабинете психотерапевта. До сегодняшнего дня мы оба ни разу не произносили слова «лечение», только вели разговоры вокруг да около. Может, поэтому я отказываюсь признать, кто на самом деле для меня Штейнер.

Мой лечащий врач.

– Хорошо, Ливи. Я тебя отпускаю. Мы продолжим нашу беседу в следующую субботу.

Я закатываю глаза и молчу. Какой смысл спорить? Похоже, мне не вырваться из этой колеи.

– Непременно выпей текилы. Станцуй брейк-данс. Или что там теперь принято у молодежи делать в первую неделю занятий. Тебе это пойдет на пользу.

– Доктор, вы рекомендуете мне завести вредные привычки и заняться рискованными телодвижениями? – Уже со второго телефонного разговора стало очевидно, что доктор Штейнер вознамерился «излечить» меня от излишней скромности с помощью еженедельного курса нелепых, а порой и неловких, но абсолютно безобидных заданий. Он ни разу не признался в том, зачем он это делает, ни разу ничего мне не объяснил. Просто не сомневался, что я все выполню.

И я все выполняла и выполняю.

Может, именно по этой причине меня и надо лечить.

Но самое удивительное, что это сработало! Три месяца безумных заданий и в самом деле помогли мне спокойнее чувствовать себя на людях, высвободили мои потаенные мысли и сделали меня настолько уверенной в себе, что при встрече с красивым парнем с меня уже не льет пот.

– Ливи, я предложил текилу, а не травку, или что покруче... Хотя нет, текилу я не рекомендую, поскольку тебе всего лишь восемнадцать, а я врач. Это было бы непрофессионально с моей стороны. Просто советую тебе расслабиться и получить удовольствие!

Я вздыхаю, но отвечаю с улыбкой:

– Знаете, доктор, раньше я была нормальной. Думаю, вы намеренно превращаете меня в свою пациентку.

Из трубки доносится задорный смех.

– Быть нормальным это же так скучно. А текила, Ливи, может превратить скромниц, подпирающих стенку, в бабочек. А вдруг ты познакомишься – для большего эффекта он выдерживает паузу, – с парнем!

– Мне пора идти, – бормочу я и чувствую, что щеки заливают жаром, когда я поднимаюсь по бетонным ступеням во внушительный вестибюль общежития в стиле замка Хогвартс.

– Иди! И все-все запоминай. Сегодня у тебя счастливый день. Победа. – Голос доктора Штейнера становится серьезным. – Тебе есть чем гордиться.

Я улыбаюсь, радуясь, что он говорит со мной как со взрослой.

– А я горжусь, доктор Штейнер. И... Спасибо вам. – Он не произнес эти слова, но я их слышу. *Ваш отец бы вами гордился.*

– И помни... – В голосе доктора вновь звучат игривые нотки.

Закатываю глаза.

– Помню: «Девчонки, резвитесь от души, но в меру». Буду стараться.

Нажимая «отбой», я слышу, как он усмехается.

Глава вторая. Коварный джелло

Наверное, именно так чувствовала себя Золушка.

Если бы она вместо того, чтобы грациозно порхать на королевском балу, стояла бы, прижавшись к стенке на шумной студенческой вечеринке, а со всех сторон ее окружали бы пьяные морды.

И если бы вместо ослепительного бального платья на ней оказалась бы тога, которую ей все время приходилось одергивать, чтобы прикрыть все жизненно важные части тела.

А вместо феи-крестной, которая спешит выполнить все желания, при ней была бы назойливая старшая сестра, которая без устали накачивала ее джелло-шотами^[1].

Да, я точно как Золушка.

– Уговор есть уговор! – кричит Кейси, заглушая диджея, и передает мне очередной стаканчик.

Молча беру стаканчик, запрокидываю голову, и приторная оранжевая субстанция проскальзывает в глотку. На самом деле мне тут нравится. Очень.

Но не могу же я признаться в этом сестре. Мне обидно, что она шантажом принудила меня впервые в жизни выпить в первый же вечер в университете. Если бы я отказалась, она бы заявила в общежитие в футболке с моим фото на груди и девизом «Свободу либидо Ливи». И она не шутила. Она и в самом деле сделала на заказ такую майку.

– Ливи, ну не будь ты такой занудой. Признайся, ведь тебе весело! – кричит Кейси, вручая мне еще две порции коктейля. – Хотя мы с тобой завернуты в простыни. Нет, я серьезно. Кто додумался в наше время устроить вечеринку в тогах?

Она трещит без умолку, но я ее не слушаю, а опорожняю стаканчики один за другим. Интересно, сколько я всего приняла на грудь за последний час? Пока я чувствую себя отлично. Даже расслабилась. Но ведь я никогда еще не пила спиртного, так что не представляю, что будет дальше. Хотя вряд ли это слишком крепкий напиток. Это же не текила.

Ну и гад же этот Штейнер! Я должна была догадаться, что он задействует в своем плане Кейси. Он же все лето этим занимался. Правда, конкретных улик по поводу сегодняшней эскапады у меня нет, но если у Кейси обнаружится бутылка «Патрона»^[2], у меня не останется сомнений на этот счет.

Вздыхаю и прислоняюсь головой к прохладной стене, скользя взглядом по морю голов. Я не совсем представляю, где мы сейчас. Знаю только, что мы в просторном цокольном этаже частного дома, неподалеку от кампуса. Вечеринка классно организована, с диджеем для увеселения гостей – кто-то танцует, но большинство просто топчется на танцполе. Обычное освещение заменили цветными мигающими лампочками и стробоскопом, так что теперь тут обстановка, как в ночном клубе. Скорее всего у владельцев в этом помещении стояла мебель, но сегодня всю ее вынесли. Остались только столы вдоль стен, уставленные красными пластиковыми стаканами для пива (бочонки спрятаны под столом) и подносами со стопками, наполненными этим обалденным коктейлем, которым я никак не напьюсь. Их тут сотни. Тысячи. Миллионы!

Стоп! Похоже, я уже набралась.

Мимо меня проплывает с приветливой улыбкой коротышка Риган. Я невольно улыбаюсь. Это моя соседка по общежитию – единственная из всех гостей, кроме сестры, с кем я

разговаривала. Каждый год студентов распределяют по жребью – кто с кем будет жить в общежитии. Так что у новеньких еще и дополнительный бонус – случайно выбранный сосед по комнате. Хотя мы познакомились только сегодня, я уверена, что смогу ее полюбить. Риган живая, шумная и трещит без умолку. А еще – художественная натура. Как только мы внесли свои вещи в комнату, она соорудила табличку для двери: каллиграфическим почерком написала наши имена, окружила сердечками и цветочками, а также буквами «икс» и «о», означающими «объятия и поцелуи». По-моему, получилось очень мило. А Кейси сказала, что это все равно, что проинформировать всех: здесь живут лесбиянки.

Не успели мы переступить порог этого дома, как Риган умчалась общаться с какими-то парнями. Для новенькой у нее огромный круг знакомых. И по большей части это парни. На вечеринку мы отправились тоже по ее инициативе. В противном случае оказались бы на официальном университетском сборище, куда я и собралась, если бы в мои планы не вмешалась Кейси. Вообще-то студенты Принстона редко живут за пределами кампуса, так что пропускать такие вечеринки не стоит.

– Ну что, Принцесса, попей водички, – говорит Кейси и неуловимым движением извлекает словно бы из воздуха бутылку с водой. – А то как бы тебя не стошнило.

Беру бутылку и пью из горлышка свежую холодную воду. Представляю себе, как мой обед фонтаном выстреливает в Кейси. Она это точно заслужила.

– Ну, хватит уже дуться, Ливи! – Судя по жалобному тону, Кейси на самом деле чувствует угрызения совести. И тогда уже мне становится стыдно, что она переживает...

Я вздыхаю.

– Да я не сержусь. Просто не понимаю, что у тебя за цель такая – меня напоить. – По вине пьяного водителя погибли наши родители. Наверное, именно поэтому я до сегодняшнего дня избегала спиртного. Кейси тоже крайне редко пьет. Правда, сегодня она с лихвой это компенсирует.

– Моя цель состоит в том, чтобы ты развлеклась и пообщалась. Это же твоя первая неделя в университете. Такое бывает раз в жизни. Так что нужно выпить цистерну спиртного и хотя бы одно утро встретить в обнимку с белым другом- унитазом.

Отвечаю выразительной гримасой, но ее это не останавливает. Кейси кладет руки мне на плечи.

– Ливи. Ты моя младшая сестричка, и я тебя люблю. Последние семь лет в твоей жизни было все не так, как должно быть. А сегодня у тебя будет вечер, как у любой безответственной восемнадцатилетней девчонки.

Облизнув губы, пытаюсь возражать:

– А спиртное восемнадцатилетним пить запрещено. – Знаю, для моей сестры это не аргумент, но мне все равно.

– Ну да, ты права. – Кейси запускает руку в карман шорт и протягивает мне пластиковую карту. Похоже на водительское удостоверение. – Если вдруг нагрянут копы, то ты Патрисия из штата Оклахома. И тебе двадцать один.

Я должна была догадаться, что у сестры все будет схвачено.

Музыка начинает набирать темп, и колени сами пружинят в такт.

– Сейчас пойдём с тобой танцевать! – кричит Кейси, протягивая мне еще пару стаканчиков. Сколько же я уже выпила? Потеряла счет, и язык у меня какой-то странный. Обхватив за шею, сестра притягивает меня к себе, и вот мы щека к щеке.

– Ну что, готова? – Она достает телефон и наводит на нас. – Улыбочку! – Срабатывает

вспышка. – Это для отчета Штейнеру.

Ага! Вот и улика!

– За тебя! – Кейси чокается со мной, закидывает голову и выпивает один, а потом и другой стаканчик. – Подожди! Я быстро. – И устремляется, как ретривер за белкой, за парнем с круглым подносом на плече, не обращая внимания на то, что все смотрят ей вслед. Ничего удивительного: огненно-рыжие волосы, выразительные черты лица, точеная фигурка – на мою сестру нельзя не обернуться. А она даже не замечает этого. Во всяком случае, не испытывает смущения.

Вздыхаю, глядя ей вслед. Я понимаю, что она задумала. Кроме того, чтобы напоить меня. Она изо всех сил старается отвлечь меня от грустных мыслей. Что в такой день со мной рядом нет отца. В мой первый день в Принстоне. Ведь он всегда мечтал об этом. Папа закончил Принстон и хотел, чтобы его дочери тоже там учились. После аварии Кейси уже было не до того, так что теперь вся надежда была на меня. И вот папина мечта сбылась – и моя тоже – а его со мной рядом нет.

Я снова глубоко вздыхаю и молча принимаю то, что судьба мне уготовила сегодня. В роли Судьбы сегодня выступает коварный джелло. Ну что, сейчас я намного спокойнее по сравнению с тем, какой я переступила порог этого дома. И мне нравится эта атмосфера. Я на первой студенческой вечеринке. Все в порядке, напоминаю я себе: то, что я здесь и мне весело – это нормально.

В руках у меня стаканчик с коктейлем, я закрываю глаза и расслабляюсь под звуки музыки. Как говорит Штейнер: расслабься, получай удовольствие. Запрокинув голову, подношу стаканчик к губам, приоткрываю рот, чтобы принять в себя живительный напиток. Я чувствую себя профи.

Но, как любитель, совершаю непоправимую ошибку – закрываю глаза. И это зря.

Оставь я глаза открытыми, не выглядела бы столь легкой наживой. И заметила бы его приближение.

Пряный апельсиновый вкус только-только достиг вкусовых рецепторов, как чьи-то сильные руки обхватили меня за талию и оторвали от надежной стены. Распахнув глаза, понимаю, что моя спина прижата к чьей-то мускулистой груди, а чья-то сильная рука змеей обвивает мое тело. Со следующим ударом пульса – мое сердце остановилось, пульс тоже чужой – твердая рука прихватывает мой подбородок вместе со стаканчиком и поворачивает голову вверх и вбок. Я улавливаю запах мужского одеколona, и в этот миг парень наклоняется и просовывает язык ко мне в рот, располагает его по соседству с моим и ласкает его, а потом рука отодвигает стаканчик от моего рта. Все происходит так быстро, что я не успеваю ни подумать, ни убрать свой язык. Ни откусить язык захватчика.

Все заканчивается так же быстро, и я стою без стаканчика, не дыша, и судорожно цепляюсь за стену, поскольку ноги у меня подкашиваются. Через пару секунд прихожу в себя и слышу за спиной взрыв одобрительного хохота. Оборачиваюсь и вижу группу высоких, крепких парней – все в тогах, подчеркивающих безупречные торсы, и все хлопают по плечам парня, стоящего позади, словно он только что выиграл гонки. Лица его мне не видно. Я вижу только копну темно-каштановых, почти что черных, вьющихся волос и рельефную спину.

Не знаю, сколько я стою так с открытым ртом и вытаращенными глазами, но в какой-то момент один из парней обращает на меня внимание, переглядывается с Похитителем моего джелло и кивает в мою сторону.

Ну и что мне ему сказать? Ищу глазами рыжую гриву. Куда делась Кейси? Ушла, бросила

меня одну... У меня перехватывает горло, а Похититель джелло медленно оборачивается и смотрит мне в лицо.

Язык этого парня был у меня во рту? Этот парень – этот высокий мощный красавец с темными вьющимися волосами, загорелый и с такой фигурой, что не устояла бы и слепая монашка – засунул свой язык ко мне в рот.

Боже праведный! Меня снова прошибает пот! Все три месяца тренинга коту под хвост! Чувствую, как между лопатками струится ручеек, а глаза цвета кофе быстро сканируют меня снизу доверху и останавливаются на моем лице. А потом уголки его губ вздрагивают в самодовольной ухмылке, и он говорит:

– Недурно.

Я так и не придумала, что бы такого ему сказать, а тут он произносит это слово с наглой усмешкой...

Размахиваюсь и со всей дури врезаю ему в челюсть.

До этого я только один раз ударила человека по лицу. Это был бойфренд моей сестры, Трент, а ударила я его за то, что он разбил сердце Кейси. У меня потом месяц с лишним заживала рука. И тогда Трент научил меня, как правильно наносить удар: надо закрыть костяшки большим пальцем и развернуть запястье вниз.

Теперь я люблю Трента как родного.

Со всех сторон несется хохот, а Похититель джелло потирает нижнюю челюсть и двигает ею туда- сюда, проверяя, цела она или нет. Понимаю, что удар получился весьма ощутимым. И если бы не была в полном смятении из-за того, что этот тип насильно одарил меня французским поцелуем, наверняка бы сияла до ушей. Так ему и надо. Он не просто похитил мою выпивку. Он украл мой первый поцелуй.

Он делает шаг в мою сторону, и я невольно отступаю на шаг, снова прижимаясь спиной к стене. А красавчик лукаво улыбается, словно понимает, что отступать мне некуда, и доволен этим. Он подходит и, вытянув перед собой руки, упирается ладонями в стену, захватив меня в плен: широкие плечи, внушительный рост и само его присутствие подавляют меня. Мне трудно дышать. Я почти задыхаюсь. Кручу головой, пытаюсь увидеть сестру, но не вижу ничего, кроме плоти и мышц. И не знаю, куда смотреть – куда ни глянь, везде только он. Наконец я собираюсь с духом и поднимаю глаза. Темные как ночь глаза напряженно смотрят мне в лицо. Я судорожно сглатываю, внутри все переворачивается.

– Зачетный удар, особенно для такой... – Он опускает ладонь к моей руке. Чувствую, как по моему бицепсу скользит большой палец. – ...Такой женственной особы. – Я невольно вздрагиваю, и перед глазами встает картинка: кролик, загнанный в угол волком. – Значит, ты стеснительная... однако это не помешало тебе заехать мне в челюсть. – Пауза, а потом еще одна самодовольная ухмылка. – Извини, не удержался. У тебя был такой вид, как будто ты реально тащишься от своего коктейля. Не мог не попробовать.

Переведя дыхание, умудряюсь поднять руки и сложить их на груди, чтобы соорудить хоть какую- то преграду между его грудью и моей. Собираюсь с силами и дрожащим голосом спрашиваю:

– Ну и?

Он улыбается во весь рот, устремляет взгляд на мои губы и смотрит так долго, что я решаю, что уже не получу ответа. Однако он облизывает нижнюю губу и говорит:

– Ну и хотелось бы продолжения. Что скажешь?

Инстинктивно вжимаюсь в стену, словно хочу спрятаться от этого парня со всеми его

намерениями.

– Все, хватит! – Меня охватывает неимоверное облегчение, когда между мной и голой грудью Похитителя джелло просовывается изящная рука Кейси и отталкивает его от меня. Он подчиняется, медленно отступая с поднятыми вверх руками, и присоединяется к своим друзьям.

– Делаешь успехи, Ливи. Думаю, доктор Штейнер может оставить тебя в покое на какое-то время. – Сестра изо всех сил пытается не рассмеяться. Ей весело!

– Кейси, это не смешно! – шепчу я. – Этот тип ко мне приставал!

Она закатывает глаза, а потом, выдержав паузу, вздыхает.

– Ты права. – Кейси подходит к парню и щиплет его за руку. – Привет, приятель!

Тот оборачивается, чертыхнувшись, трет пострадавшее место и хмуро смотрит на сестру. Но, встретив ее свирепый взгляд, а точнее, увидев лицо и фигуру, снова расплывается в дурацкой ухмылке. Тоже мне сюрприз.

– Если ты посмеешь еще раз обидеть мою сестру, я заберусь в твою комнату ночью и оторву тебе яйца, понял? – предупреждает Кейси и для большей убедительности указывает в нужном направлении. Как правило, угрозы моей сестры звучат именно в адрес тех самых жизненно важных органов.

Сначала Похититель джелло не отвечает на ее угрозу, а просто смотрит сестре в глаза, и она бесстрашно выдерживает его взгляд. Потом он переводит взгляд на меня и говорит:

– Так вы сестры? Похожи.

Все так говорят, хотя лично я этого не нахожу. Правда, мы обе голубоглазые и светлокожие. Но я брюнетка и повыше ростом.

– Красивые и умные. Ливи, а тебе достался редкий везунчик! – нарочито громко говорит Кейси, чтобы мы оба слышали.

Парень пожимает плечами и снова расплывается в улыбке.

– Двух сестер у меня еще не было... – говорит он, приподнимая бровь.

Боже праведный!

– И не будет. Во всяком случае, на этот раз.

Он пожимает плечами.

– Может, не одновременно.

– Не волнуйся. Когда моя малышка-сестра надумает в первый раз переспать с каким-нибудь чуваком, это будешь не ты.

– Кейси! – выдыхаю я, глядя в лицо парня и молясь, чтобы музыка заглушила ее слова.

Однако, судя по его удивленной мине, он все слышал.

Хватаю сестру за руку и тащу в сторону. Она уже бормочет извинения:

– Ливи, прости. Похоже, я здорово набралась. Несу всякую чушь...

– Знаешь, что ты сейчас натворила?

– Написала у тебя на спине: «Я девственница»? – Кейси болезненно морщится.

Оглядываясь назад, вижу, что он стоит со своими друзьями, посмеивается и потягивает пиво. Но его глаза по-прежнему не отпускают меня. Перехватив мой взгляд, он берет из рук приятеля пластиковый стаканчик, поднимает и медленно проводит языком по ободку. А потом приподнимает бровь и произносит одними губами:

– Твоя очередь?

Я отворачиваюсь и с возмущением говорю сестре:

– Уж лучше бы ты приперлась сразу в своей майке!

Пусть у меня нет опыта и я не умею общаться, но я прекрасно понимаю: для таких парней найти девственницу восемнадцати лет от роду – все равно что клад откопать.

– Ну прости меня. – Кейси пожимает плечами и бросает на него взгляд. – Однако должна признать, парень тот еще жеребец, Ливи. Ну, прямо-таки просится в журнал итальянской моды в раздел мужского нижнего белья. С таким в постели точно не соскучишься.

Я вздыхаю. Ну почему Кейси вдруг взялась за мою личную жизнь! Раньше ей и дела до меня не было. Ей даже нравилось, что я в старших классах не ходила на свидания. Но с недавних пор у нее навязчивая идея – что у меня подавлена сексуальность. Да, жаль, что сестра решила заняться психологией.

– Нет, ты только посмотри на него!

– Вот еще! – отмахиваюсь я.

– Отлично, – говорит Кейси и берет четыре стаканчика с подноса у плотного парня в килте, – килт, на вечеринке в тогах? – Знаешь, сестренка, если вдруг надумаешь распротиться с девственностью, то этот вариант тебе запомнится надолго. Уверена, такой парень сумеет помочь тебе наверстать упущенное.

– А заодно одарит гонореей и лобковыми вшами? – бормочу я себе под нос, глядя на два голубых пластиковых стаканчика с выпивкой. Хорошо, что тут темно: чувствую, как щеки заливают краской. Поднеся один ко рту, облизываю языком краешек, вновь переживая те секунды, когда меня впервые – нет, не хочу думать, что это был мой первый в жизни поцелуй! – когда он *такое* со мной сделал.

– Залпом! – Кейси один за другим опустошает свои стаканчики.

Первый я выпиваю сразу, а когда принимаюсь за второй, сдуру смотрю по сторонам, думая, что парень уже нашел себе новую жертву. Но нет: он стоит в окружении каких-то девиц, и одна из них держит ладонь на татуировке у него на груди. А он по-прежнему смотрит на меня. И улыбается. Только теперь не самодовольной, а уже другой, многозначительной улыбкой, как будто у него есть тайна.

Да уж! У него есть тайна, *моя* тайна.

Меня пробивает нервная дрожь, и стаканчик замирает у рта.

– Это Эштон Хенли! – кричит кто-то мне в ухо. Вздрагиваю и вижу Риган: в одной руке пиво, а в другой – голубой стаканчик. Она такая низенькая, что ей приходится встать на цыпочки, чтобы дотянуться до моего уха.

– Откуда ты его знаешь? – спрашиваю я, смутившись, что меня застукали, как я на него глазею.

– Он же капитан университетской команды по академической гребле. А мой папа у них тренер, – объясняет Риган слегка заплетающимся языком и рукой описывает широкую дугу. – Я здесь много кого знаю. – Вот почему она так легко со всеми общается, думаю я. – Соседка, а он, похоже, на тебя глаз положил, – добавляет она и хитро мне подмигивает.

Пожимаю плечами и слабо улыбаюсь, хочу скорее поменять тему, чтобы парень не решил, что мы говорим о нем. Окидываю взглядом комнату, в которой девушек не так много, и замечаю: тут и там, кто тайком, а кто явно, бросают в его сторону взгляды. Да, этот Эштон не обделен женским вниманием.

Риган словно читает мои мысли.

– Он самый сексуальный парень в университете. – Соседка делает глоток пива. – И самый большой придурок.

- Я так и поняла, – бормочу я скорее себе, чем ей. Потягиваю напиток и специально поворачиваюсь к парню спиной – пусть найдет себе другую жертву, тут полно желающих.
- Знаешь, он немного повернут на сексе.
- Час от часу не легче.
- Уверена, он без труда найдет желающих ему... поспособствовать. – Я в это не играю.
- Не пойму, то ли я уже на самом деле пьяна, то ли Кейси – волшебница, но в руке у меня снова два стаканчика. Музыка играет так громко, что отдается во всем теле, и бедра у меня сами по себе приходят в движение в такт музыке.
- Круто здесь, да?! – кричит Риган, и ее прямые волосы цвета меда прыгают вместе с ней, а она скачет без устали, машет руками и вопит, прямо как детишки из рекламы витаминов. – Столько народу, музыка что надо. Кайф!
- Я улыбаюсь и киваю, глядя по сторонам. И должна признать, что мне тут тоже нравится.
- Я рада, что пришла! – кричу, толкнув плечом Кейси. – Только, пожалуйста, хватит с меня на сегодня приключений, – прошу я и опустошаю оба стаканчика.
- В ответ Кейси хохочет, берет меня под руку, а другой рукой обнимает Риган, которая уже веселится вовсю.
- Ну конечно, сестренка. Сегодня Принстон узнает, что такое вечеринка по-нашему, в стиле Клири.
- Я хихикаю, на время хорошее настроение сестры отодвигает все остальное на задний план.
- О чем это ты?
- Сестра многозначительно улыбается и говорит:
- Скоро сама все узнаешь.

Глава третья. Чудовище

Открыв глаза, секунд пять я пребываю в безмятежном неведении. Эти пять секунд я тупо пялюсь на белый, низко нависающий потолок, пока глаза привыкают к неяркому свету, мозг пробуждается, и нейроны приходят в движение.

А потом на меня лавиной обрушиваются смятение и шок.

Где я?

Как я сюда попала?

Какого черта я тут делаю?

Поворачиваю голову и вижу рядом лицо сестры.

– Кейси? – шепотом зову я.

Она стонет, и в нос ударяет запах из ее рта. Морщусь и отворачиваюсь. И в тот же миг в голову стреляет острой болью. Снова морщусь.

Мы в общежитии, – умудряюсь сообразить я, судя по тесноте помещения и своим вещам. Но не помню, как я сюда вернулась.

А что же помню?

Поднимаю руку к лицу и тру глаза, силясь собрать общую картину прошлой ночи из невнятных обрывков воспоминаний... В голове всплывают туманные образы. Коктейль за коктейлем. Оранжевые, синие, зеленые... Мы с Кейси изображаем роботов на танцполе? Я издаю произвольный стон, и тут же голову прошивает боль. Боже праведный, надеюсь, это глюк. А потом... пустота. Ничего не помню. Почему я ничего не помню?!

Кейси снова стонет, и я подвергаюсь еще одной газовой атаке. Глотая слюну, прихожу к выводу – у меня изо рта пахнет не лучше, и осознаю, что умираю от жажды. Медленными, неуклюжими движениями сбрасываю с себя простыню.

И обнаруживаю, что я без пижамы. Интересно почему... А, понятно. Вчера вечером на мне была эта дурацкая тога. Однако это не объясняет, почему я в одних трусах и почему голова болит так, что даже думать не могу о. Ни о чем думать не могу. Здесь только моя сестра. И Риган, но она же девочка.

Пытаюсь сесть, поддерживая взлохмаченную голову ладонями, – и, застонав, стискиваю виски. Такое ощущение, что голова вот-вот лопнет. Если бы сейчас вошел кто-нибудь с топором, с готовностью подставила бы шею, лишь бы так не мучиться.

Во рту горечь, и стремительно накатывает тошнота. Хочу пить. Сию же секунду! Преодолевая дрожь в конечностях, перекатываюсь на бок и, минуя лестницу, спрыгиваю на пол, надеясь, что не заеду ногой по лицу Риган. Надо дотянуть до холодильника и достать бутылку холодной воды. Тогда мне сразу полегчает. Точно знаю.

Через секунду стою на белом лохматом прикроватном коврик Риган, и меня накрывает второе потрясение.

Задница. Мужская задница. И не только. Все остальное тоже. На кровати Риган раскинулся рослый, абсолютно голый парень, свесив через край ноги и одну руку. Судя по светлым волосам, торчащим из-под одеяла в углу кровати, Риган расположилась тут же.

Не могу отвести глаз. Стою в одних трусах, комната кружится, во рту такой вкус, словно напилась из сточной ямы, а я приросла к месту и глазею на голого парня. Отчасти потому, что меньше всего ожидала его здесь увидеть, отчасти потому, что это первый голый мужчина в моей жизни. Отчасти потому, что не могу въехать, какого хрена он здесь делает.

А что это... что это такое у него на левой ягодице? Любопытство берет верх над потрясением, и я осторожно делаю шаг, чтобы разглядеть получше. Похоже на татуировку. Судя по красноте и припухлости, татуировка совсем свежая. Да, совсем новенькая. Надпись витиеватым почерком «Ирландка». *Ирландка?* Невольно хмурю брови. Что-то мне это напоминает.

Пол подо мной скрипит, и от неожиданности я быстро делаю шаг назад. От резкого движения комната начинает кружить еще быстрее. Воды! И как можно скорее. Ковыляю на ватных ногах к холодильнику и к халату, висящему на крючке за дверью. На мою беду комнатка полностью забита какими-то вещами и предметами, а я, особенно когда вся на нервах, вылитый слон в посудной лавке. Врезаюсь спиной в туалетный столик Риган, пузырьки с косметикой дружно падают. Перестаю дышать, молясь всем богам, чтобы голый великан не пробудился.

Увы!

Голова на подушке поворачивается лицом ко мне, глаза открываются – и сердце у меня замирает.

Нет, только не это.

Передо мной не кто иной, как Эшгон, Похититель Желло.

Воспоминания накатывают на меня безжалостными волнами.

Сначала я припоминаю, как он утащил мою выпивку, но этим дело не заканчивается. Нет... Картинки возникают все новыми вспышками, лишая меня последних сил. Музыка гремит, свет мигает разноцветными огоньками, и Эшгон возвышается надо мной посреди танцпола. Я ору во всю глотку, заезжаю со всей дури ему по наглой ухмылке. Стучу ладонью по его груди – один раз, другой... Не помню, сколько раз. А потом перестаю стучать. Мои ладони на его голой груди, пальцы скользят по контуру татуировки размером с кулак, изображающей кельтский орнамент, и по его рельефным мышцам. Помню, как танцую... быстрый танец, медленный. мои пальцы заблудились в его волосах, а он сжимает мою талию, притягивая к себе.

Помню, как прохладный воздух покалывает иголочками мою кожу, спина упирается в кирпичную стену, и мы с Эштоном.

Ахнув, невольно прикрываю рот ладонями.

Его глаза сначала щурятся от яркого света, а потом округляются от удивления, окидывая меня взглядом сверху донизу, и замирают на моей груди. Не могу пошевелиться. И дышать не могу. Я снова перепуганный кролик, которого вот-вот сожрет серый волк. Кролик в трусиках в цветочек.

У меня хватает сил поднять руки и прикрыть наготу.

Похоже, Эшгон выходит из транса – он стонет и проводит ладонью по копне темных волос. Они у него уже и так торчат во все стороны, но он умудряется привести их в еще больший беспорядок. Поворачивает голову, видит Риган, которая только что проснулась и высунулась из-под одеяла, и в ее глазах мелькает вся гамма чувств – от смятения до узнавания.

– Ни хрена себе, – бурчит он, потирая переносицу. – Мы с тобой не... – тихо спрашивает он у Риган.

Соседка трясет головой, и вид у нее на удивление спокойный.

– Нет. Просто ты был такой пьянящий, что не дотянул бы до дома. Вообще-то ты должен был спать на полу. – Она чуть приподнимается, оглядывая его костюм, вернее,

полное отсутствие такового. – Приятель, а с какого перепугу ты голышом?

Ее вопрос приводит меня в чувство: вспоминаю, что Эштон совершенно голый. Мои глаза снова пробегают по его отпадной фигуре, и в результате внизу живота возникает странное ощущение.

Он утыкается лбом в подушку и, не отвечая на ее вопрос, бормочет:

– Слава тебе, господи!

Одним грациозным движением парень поднимается с нижней койки и встает. Шумно выдыхаю и перевожу взгляд на окно, но успеваю запечатлеть полный вид спереди.

– В чем дело, Ирландка? – усмехается он. – Что-то не так?

Ирландка.

– Почему ты меня так называешь? – спрашиваю я, осторожно оборачиваясь.

Он ухмыляется, опершись рукой на ступеньку, и, судя по всему, ничуть не смущен своим видом.

– Похоже, ты мало что помнишь из событий прошлой ночи, так?

Эштон смотрит мне в лицо так пристально, что у меня сводит живот. И я тут же осознаю, что мочевого пузыря у меня вот-вот лопнет.

– Если речь о том, почему мы все тут в одной комнате, а ты без одежды... то да. – Слова выскакивают из меня на два тона выше, чем обычно, и как будто сами по себе.

Он делает шаг вперед, а я тут же отступаю на шаг, пытаюсь втиснуться между стеной и туалетным столиком. В голове у меня пусто, похоже, я сейчас вырублюсь. Или меня вырвет. Прямо на грудь этому типу, с которым я вчера почему-то всю ночь обжималась.

На туалетном столике лежит белая простыня. Хватаю ее и, прижавшись к стене, прикрываю себя спереди. Он делает еще один шаг, и я прижимаюсь к туалетному столику, чтобы не упасть, и стараюсь не смотреть вниз, хотя продолжаю паниковать. Если он сделает еще один шаг, то *эта его штука* меня коснется.

– Успокойся. Мы вчера пришли к соглашению, что в женихи я не гожусь.

Я еще крепче прижимаю простыню к себе и упрямо задираю подбородок:

– Это радует. Значит, я была в состоянии формулировать мысли.

Однако сейчас я не в состоянии оторвать взгляд от его глубоких карих глаз. Они словно буравят меня, но я не могу понять, что скрывается в их глубине. Интересно, помнит ли он, что меня поцеловал. И не жалеет ли об этом.

Чувствую, что он придвинулся чуть ближе. И больше не могу себя контролировать.

– А ты не мог бы направить *это* в какую-нибудь другую сторону? – выпаливаю я.

Он откидывает голову и хохочет, поднимает руки кверху и отступает.

– Риган, никому не слова. Особенно отцу, – говорит он через плечо.

– Будь спокоен. Я – могила, – бормочет Риган, потирая лицо.

– Какого хрена? – слышу я сонный голос Кейси. Она садится и утыкается взглядом в Эштона. Видит его в полной красе, а потом замечает меня в углу. Сестра окончательно просыпается. – Только не это... Вы что, вчера с ней... – говорит она со стоном.

Стою, прикрываясь простыней, и умоляющими глазами смотрю на сестру. Я не знаю! Я не знаю, что мы делали!

– Да нет, ничего не было! – подает голос Риган.

Я с облегчением выдыхаю и тут же морщусь. Голова взрывается нестерпимой болью.

Не одна я испытываю облегчение. Лицо у Кейси светлеет, и она, уже другим тоном, добавляет, бросив выразительный взгляд на Эштона:

– Приятель, а как насчет того, чтобы зачехлиться?

Тот ухмыляется, разводя руки в стороны.

– А я думал, произведу на тебя впечатление!..

В ответ Кейси со значением улыбается.

– Скромнее надо быть. Дома меня ждут более весомые аргументы, – замечает она, сопровождая свои слова выразительным взглядом. И с невозмутимым видом кивает в сторону двери. В этом вся Кейси. За словом в карман не лезет и сохраняет спокойствие, даже если ей на глаза попадается чей-то пенис.

Эштон качает головой и ухмыляется.

– Не поспоришь. – Он поворачивается и снова пристально смотрит мне в глаза с тем же нечитаемым выражением, а потом опускает взгляд на простыню, в которую я вцепилась изо всех сил. – Похоже, это моя, – говорит парень и тут же выдергивает простыню у меня из рук, снова оставляя меня почти обнаженной. Я прикрываюсь руками, а он в четыре шага доходит до двери, распахивает ее и выходит в холл.

Выходит как раз в тот момент, когда мимо, волоча за собой чемоданы, идет какая-то студентка с мамой. Эштона ничуть не смущают их упавшие на пол челюсти, он неспешно прикрывает бедра простыней и, склонив голову, приветствует их:

– Доброе утро, дамы.

А потом громогласно, на весь этаж, заявляет:

– Извини, Ирландка! Свидание на одну ночь – не мой профиль.

Я стою у двери в одних трусах, прикрывая грудь руками, и молюсь о том, чтобы на меня с потолка сверзился рояль, положив конец худшему мгновению моей жизни.

И в тот же миг чувствую прилив тошноты. И понимаю, что сейчас случится. До туалета я точно не дотяну. В панике стискиваю зубы и оглядываю комнату в поисках хоть чего-нибудь. Ничего. Только золотисто-бежевый горшок с фикусом Риган. Подлетаю к нему как раз в тот момент, когда весь проглоченный мною за ночь джелло рвется наружу.

Я ошибалась. Вот оно, худшее мгновение моей жизни.

* * *

– Уж лучше бы ты приперлась в общежитие в той майке, – со стоном говорю я, положив ладонь на лоб. Отравив бедное растение изрядным количеством желудочной кислоты и токсинов, я заползла на свою койку, прихватив антипохмельную аптечку Риган – эдвил и немереный запас изотоников – да там и осталась, пребывая в полузабытьи и жалея себя несчастную. После нескольких часов сна с головой стало лучше. После рвоты прошла тошнота. А вот чувство стыда не прошло.

Сестрица хохочет.

– Кейси, это не смешно! Ничего смешного не вижу! Ты же должна была обо мне позаботиться! – Я шевелюсь, и движение отзывается болью в спине. – А спина-то почему у меня болит?

– Может, повредила о кирпичную стену, когда Эштон тебя к ней пригвоздил? – с дьявольской усмешкой спрашивает Кейси.

– Ничего не помню! – кричу я, а щеки у меня горят. На самом деле все, что я помню, связано с Эштоном – как я его касаюсь, прислоняюсь к нему, целуюсь с ним. – Ну почему

именно он?! – кричу я, пряча лицо в ладонях, чтобы скрыть краску стыда.

– Бедная крошка Ливи!.. Кто знал, что после нескольких порций джелло чудовище, спавшее в тебе, вырвется наружу?

Крошка Ливи... Я хмурюсь под наплывом воспоминаний из детства. Так называл меня отец, но почему эти слова напоминают мне прошлую ночь?

– Вот... Может, это поможет? – Кейси протягивает мне свой телефон.

Дрожащей рукой беру его и с мрачными предчувствиями начинаю смотреть фотографии.

– Кто эти люди? И почему я с ними обнимаюсь?

– Все они – твои лучшие друзья. И ты их любишь, – будничным тоном поясняет Кейси. – Во всяком случае, прошлой ночью ты сама так говорила.

– Не говорила! – возражаю я и прикусываю язык, поскольку на меня наплывают обрывки воспоминаний. Говорила. И не один раз. Господи, ну почему я не потеряла голос! Почему мне не отрезали язык! При мысли о языке опять вспоминаю Эштона и испускаю очередной стон. А ему я тоже сказала, что его люблю? Поэтому все так сложилось?

Снова просматриваю снимки, чтобы согнать со щек румянец стыда. Вот фотка парня в килте и с волынкой, в обнимку с Кейси. А вот еще одна, в полный рост, где Кейси показывает пальцем на его юбку, вопросительно приподняв брови.

– А что он делает в килте на вечеринке в тогах? – спрашиваю я и, увидев следующий снимок, ахаю. (Под юбкой ничего не надето.)

– Вот что значит «верность традициям», – комментирует Кейси.

Продолжаю листать фотки дальше, и все мои самые мрачные предчувствия сбываются. На большинстве снимков мы с Кейси обнимаемся. На некоторых вид у нас такой, словно мы хотим обольстить камеру высунутыми языками и безумными глазами. То и дело рядом с нами появляется Риган со своей фирменной улыбкой от уха до уха.

– Нет, только не это... – Удивительное дело, как фотография помогает включить память. Так случается и со мной при виде себя любимой на фоне вывески «Татушки». – Боже праведный! – В это утро я уже раз десять упоминала Господа всуе. – Нет, не может быть! – бормочу я, пролистывая снимки, в надежде, что память меня подвела. Увы! Так и есть! Вот я, сижу верхом на стуле, придерживая рукой волосы и верх тоги, а здоровенный парень в черных кожаных брюках, весь размалеванный татуировками, трудится над моей спиной. Я смотрю на снимок с разинутым ртом. Так вот почему у меня саднит спина. – Кейси, как ты могла допустить такое?! – шиплю я, впадая в истерику.

– Нет, этот номер у тебя не пройдет! – отвечает Кейси и выхватывает у меня из рук телефон. Быстро находит видео, нажимает «воспроизведение»

и снова сует мне под нос телефон. А вот и я, улыбаюсь, хотя глаза у меня не очень радостные. Громогласно заявляю в кадре: «Даю слово, что не буду перекладывать ответственность за все содеянное на мою сестру Кейси Клири, когда приду в себя».

Слышу возбужденный голос Кейси: «Даже несмотря на то, что я тебя предупреждала: утром тебе это вряд ли понравится, так? Не будешь меня обвинять?». У нее язык не заплетается, даже когда она здорово пьяная.

– Не буду! – Поднимаю руку кверху, и художник на миг прекращает работу, возвращает руку на место и велит мне сидеть неподвижно. Он продолжает работу, а я говорю: – Требую права на татуировку, потому что я, Оливия Клири, – тыкаю себе в грудь большим пальцем, как пещерный человек, и мастер снова прерывается и бросает на меня недовольный взгляд, – та еще оторва!

Телефон выпадает у меня из рук, и я тру глаза ладонью.

– Нет, ну как этот парень взялся делать мне татуировку? Он что, слепой? – Я тычу телефон в нос сестре. – Я же пьяная в хлам! Это же наверняка противозаконно!

– Ну, я не знаю, законно это или нет. Но, думаю, точно не приветствуется, – соглашается Кейси.

– Тогда почему же он... – Мне не по себе.

– А он друг Эштона.

– Замечательно! – Я поднимаю руки вверх. – Значит, это по *его* рекомендации. А что, если они используют грязные иголки? Кейси! – У меня глаза лезут на лоб. – В подобных заведениях можно запросто схлопотать СПИД или гепатит! Как ты могла допустить такое...

– Не волнуйся. Это чистый салон, с лицензией, – говорит Кейси спокойным, чуть раздраженным тоном, как обычно, когда я начинаю истерить. – Ведь я же не набралась, как ты. И понимала, что происходит.

– Каким образом? Ты же весь вечер пила без остановки.

Она фыркает.

– Ну и что? Ведь у меня опыта в таких делах побольше твоего. Я обещала Штейнеру, что все будет под контролем.

– Штейнер. – Я качаю головой. – Какой еще психиатр додумается до подобной терапии – накачать пациента спиртным до бесчувствия, а потом отправить в тату-салон, да еще чуть ли не оргию устроить?

– Может, только неординарный и по этой причине блестящий специалист? – парирует Кейси, строго на меня глядя. Ее реакция меня не удивляет. В глазах сестры доктор Штейнер может хоть воду в вино превратить. – И потом, при чем здесь он, Ливи? Он всего лишь порекомендовал тебе как следует развлечься. Ты все сделала сама.

– Но ведь ты знала, что утром я буду в бешенстве, – говорю я с тяжким вздохом.

Кейси пожимает плечами.

– Татуировка очаровательна. Уверена, тебе понравится, когда увидишь.

Делаю вид, что рассматриваю пятнышко на потолке, и упрямо сжимаю губы. Если честно, у меня еще не было повода обижаться на сестру. Ни разу. Может, это первый случай.

– Ну, хватит, Ливи! Не злись. И не притворяйся, будто бы ты вчера не оттянулась по полной. Ты сама сказала, что это лучшая ночь в твоей жизни. Тысячу раз сказала. И потом, – она трет плечо, и я точно знаю, что она этого даже не замечает, – неужели мы с тобой в кои-то веки не имеем права как следует расслабиться, после всего, что мы с тобой пережили.

Я смотрю на длинный хирургический шов у нее на предплечье. Этот шрам словно отодвигает все остальное в сторону.

– Ты права, – шепчу я и провожу пальцем по тонкому белому рубцу. – Ничего страшного. – И после длительной паузы спрашиваю: – Говоришь, татуировка красивая?

Кейси просматривает фотки в телефоне, пока не находит конечный результат: между лопатками аккуратная надпись «Крошка Ливи». Не больше десяти сантиметров. Теперь, когда шок прошел, глядя на татуировку, чувствую, как у меня теплеет на душе.

– Красиво, – соглашаюсь я, рассматривая витиеватый шрифт, и думаю, что бы сказал на это отец.

– Папе бы наверняка понравилось, – говорит Кейси. Порой мне кажется, что у моей сестры есть особый канал для входа в мой мозг. Ну откуда она знает, что я собираюсь сказать? И я улыбаюсь. Впервые за этот день.

– Вчера вечером я тебе ее обработала. Первые две недели надо протирать несколько раз в день. Вон там пузырек лубридерма. – Кейси лениво машет рукой в сторону письменного стола. – А еще надо носить одежду из легкой ткани, чтобы не было раздражения.

– Поэтому я проснулась практически голой?

Она хмыкает и кивает.

Я потираю лоб ладонью.

– Теперь я понимаю, что к чему. – Особой радости от этого не испытываю. Снова смотрю на фотографию. – Это нормально, что все покраснело и припухло?

– Да, сначала даже кровь была.

Вздыхаю и кладу ладонь на желудок, который все еще не пришел в норму.

– Кажется, там есть еще один цветочный горшок, – говорит сестра.

– Надо будет купить Риган новый, – говорю я со стоном.

Какое-то время мы лежим молча, а потом Кейси спрашивает:

– Кстати, а как ты оказалась на верхнем ярусе? Хреновая кровать.

В общежитии есть комнаты с обычными кроватями. Но некоторые комнаты настолько тесные, что две кровати туда не поместятся. Именно такая, с двухъярусной кроватью, и досталась нам с Риган.

– Да я сама Риган нижнее место предложила. Она высоты боится. А мне все равно.

– Понятно. Ничего удивительного. Она же коротышка. Почти что карлица.

Я делаю сестре страшные глаза. Ведь Риган прямо под нами. Пусть спит, но *прямо под нами!*

Еще одна пауза, а потом Кейси продолжает со своей дьявольской улыбочкой:

– Надеюсь, соседка не будет против твоей бурной личной жизни. Если эта конструкция не отличается прочностью, Риган конец.

Снизу раздается хихиканье: она не спит и все слышит!

– Не волнуйтесь. Я знаю правила, – говорит Риган сонным голосом. – У меня есть красный носок, и мы будем его вешать на дверную ручку снаружи, когда Эштон будет навещать Ливи...

Натягиваю простыню на лицо, поскольку точно знаю, чем все это закончится. Щеки у меня горят от стыда. Ну как так вышло, что у меня в соседках маленькая копия моей старшей сестры? К сожалению, звук простыня не изолирует, и я прекрасно слышу издевательский комментарий Кейси:

– В этом нет необходимости. Ливи любит свидетелей.

– А я заметила. Насколько я знаю, Эштон тоже. Ну и я ничего не имею против. У этого парня такая фигура!.. Какой торс! Так и хочется всю ночь напролет ласкать языком его грудь. Ну, Ливи так и делала...

Меня пробивает нервический смешок.

– Ничего я не делала. Прекратите!

– А ты сначала признайся, что вчера всю ночь ловила с ним кайф.

Я отчаянно трясу головой.

– А задница у него какая! Я как-то раз потрогала. Ну, конечно же, мне не так свезло, как вчера Ливи.

– Хватит!!!

Повышенный тон лишь раззадоривает Кейси.

– А я дождаться не могу, когда же она доберется до его.

– Ладно! Да, я получила удовольствие! Огромное! Только прекратите это разговор! Не хочу больше видеть этого типа.

– До тех пор, пока снова не напьешься.

– В жизни больше не стану пить! – заявляю я.

– Ах, Ливи... – Сестра поворачивается и прижимается ко мне.

– Да, я не шучу! Ведь я как выпью, так из меня черти лезут. Ну, прямо вылитый Джекилл и Хайд.

– Помнишь, отец говорил, что даже в самом выдержанном ирландце есть немного безумия. Ты вчера это с блеском доказала.

Ирландка.

– Эштон называл меня Ирландкой. Почему?

– Не знаю, Ливи. Вот напьешься в другой раз, и сама его расспросишь.

Закатываю глаза, но спор не продолжаю. Одна мысль все не дает мне покоя.

Ирландка.

Ирландка.

Распахиваю глаза и стягиваю простыню с лица.

– По-моему, у Эштона на ягодице татуировка «Ирландка». Верно?

Повисает пауза. А потом Кейси садится и с горящим от возбуждения глазами выпаливает:

– Ну, конечно же! А я и забыла! – И они с Риган начинают хохотать. – Как же я могла об этом забыть! – Она грозит мне пальцем. – Ну и сестренка у меня! Сразила наповал такого самца! – И она хлопает в ладоши с безудержной радостью. Веселится, как четырехлетний малыш в предвкушении сладкой ваты. – Молодец! – Она показывает мне большой палец, и немного погодя я хлопаю ладонью о ее ладонь. – Ливи, ты все еще о чем-то сожалеешь? Прикинь, каково будет этому типу, когда он сообразит, отчего у него саднит задница...

Риган хохочет до слез, наверняка уже косметика вся поплыла, и смеется так заразительно. Скоро уже вся двухъярусная кровать сотрясается от дружного хохота над роскошным капитаном команды по гребле и его расписанной ягодицей.

И хотя мне неприятно и трудно признаться даже себе самой, приходится признать, что прошлой ночью я оттянулась.

По полной.

* * *

К трем часам мне становится намного лучше. Настолько лучше, что запах кофе и свежей выпечки в уютном местном кафе, куда мы зашли перекусить, уже не вызывает приступа тошноты. Но теперь на смену похмелью приходит грусть.

Сегодня сестра уезжает.

Разумеется, мы будем общаться: есть эсэмэски, телефонные звонки и электронная почта, и даже скайп, и через несколько недель я полечу на свадьбу Шторм и Дэна, но... Но это все не то. Я помню, как скучала по сестре, когда она два месяца была в клинике доктора Штейнера. У меня словно вырезали кусок сердца. Помимо этих двух месяцев, я видела сестру каждый божий день.

Даже когда она была в реанимации после аварии, даже когда у нее были проблемы с

алкоголем и наркотиками, даже когда она подрабатывала вечерами в баре, все равно, каждую ночь я заглядывала к ней и видела ее лицо. Чтобы убедиться, что она не умерла и я не одна в этой жизни.

Я знала, что этот день настанет, но от этого не легче. И вот я стою, и у меня такое ощущение, что я что-то теряю. Словно прощаюсь с частью своей жизни, которую уже не вернешь.

– Ну что... – Кейси, с натянутой улыбкой стоя у дверцы такси, смотрит на меня блестящими голубыми глазами. Моя сестра не любит плакать. Даже после всего, что нам довелось испытать, когда она заходила так далеко, Кейси умудряется с помощью юмора отодвинуть грусть в сторону. Хотя сейчас я вижу, как из уголка ее глаза вытекает слезинка. – Сестренка ты моя, – бормочет она, обхватывая меня за шею и притягивая к себе, пока мы не стуканемся лбами. – Ливи, у тебя все получилось.

Я улыбаюсь в ответ.

– Нет, это у нас все получилось. – Если бы три года назад сестра оставила меня у тети Дарлы и дяди Рэймонда, ей было бы намного легче. И ее никто бы не осудил за это. Тогда бы ей не пришлось взвалить на себя такую ответственность, кормить лишней рот. Да любой бы так и поступил на ее месте в подобной ситуации – просто ушел бы, не оглянувшись. Но только не Кейси. – Да если бы не ты... – говорю я, но Кейси останавливает меня суровым взглядом.

– Нет, Ливи, я тут ни при чем. Просто твоя незадачливая сестра – жертва аварии – непонятным образом, каким-то чудом умудрилась не пустить под откос твое будущее своим дерьмовым примером. – Кейси закрывает глаза и шепчет: – Это я тебе обязана. Всем. – Она обнимает меня. – Не забывай, я не так уж далеко. Если я тебе понадобится, ты только дай мне знать, и я сразу прилечу. Договорились?

– Кейси, со мной все будет в порядке.

– Но если нет, я всегда рядом. Договорились?

Молча киваю, боюсь расплакаться.

В кармане раздается рингтон – пришла эсэмэска. Наверное, это Шторм – она единственная, кроме Кейси, кто пишет мне эсэмэски. Достая телефон и читаю:

«Скажите, вчера ночью вы совершили нечто, для себя нехарактерное?»

– Нет, ну что это за издевательство? – выпаливаю я.

– А в чем дело? – Кейси хмурится и заглядывает через мое плечо в экран телефона.

– Ну, какой доктор пишет своим пациентам эсэмэски? – говорю я и тут же мысленно поправляю себя: я вовсе не пациент.

– У тебя пять минут на ответ, а то он сам позвонит. Впрочем, ты уже в курсе, да?

Я киваю. Теперь я знаю: доктор Штейнер очень терпелив, но хочет получить ответы.

– Ну и что мне ему ответить?

Сестра пожимает плечами и ухмыляется.

– По опыту могу сказать, что доктор очень любит сюрпризы.

– Ну что, этого добра у меня для него навалом.

Сестра стоит, сложив руки на груди, а я печатаю ответ:

«Я выпила столько джелло-шотов, что с лихвой хватило бы наполнить маленький

бассейн, а потом чуть не переломала руки-ноги, отплясывая брейк-данс. Теперь меня украшает татуировка, и, не будь у меня видео на память, я бы решила, что мне ее накололи в темном переулке грязными иголками. Довольны?»

Нажимаю «отправить», и сердце у меня екает. Доктор все время говорит, что я должна эффективнее использовать свой внутренний сарказм, которым я, по его наблюдениям, обладаю.

Через десять секунд приходит ответ:

«Неплохо для начала. А с парнем общались?»

Стою с вытаращенными глазами, осмысливая реакцию доктора на богатую событиями прошлую ночь.

А сестра, воспользовавшись моментом, выхватывает у меня телефон.

– Кейси, что ты делаешь! – Я гоняюсь за сестрой вокруг такси, а она ловко ускользает от меня, без остановки набивая сообщение. Не знаю, как ей это удастся, но у Кейси море талантов. Только нажав «отправить», она элегантно движением швыряет мне телефон. Я с трудом ловлю его и тут же смотрю, что она натворила:

«Я не только общалась с парнем, но еще видела два пениса. Один из них принадлежал голому типу, которого я обнаружила утром у себя в комнате. У меня есть снимки. Хотите взглянуть на самый удачный?»

– Кейси! – кричу я и шлепаю ее по плечу.

В этот момент приходит ответ:

«Рад, что у Вас появились друзья. Поговорим подробно в субботу».

Несколько секунд мы молчим, пока я переживаю это потрясение, а потом начинаем дружно хохотать. И этот смех скрашивает наше прощание.

– Ну ладно, мне пора, а то самолет улетит без меня, – говорит Кейси и снова меня обнимает. – Иди с богом и твори свои ошибки.

– Думаешь, вчера ночью мало натворила?

Кейси подмигивает.

– Вчера ты не сделала ни одной ошибки. – Она открывает дверцу, машет мне рукой и садится на заднее сиденье. И все машет и машет в заднем окне, положив подбородок на подголовник, пока такси не скрывается за поворотом.

Глава четвертая. Сожаления

Не сомневаюсь, большинство девчонок делают все, чтобы подстроить очередную встречу с Эштоном Хенли, если им довелось напиться и пообжиматься с ним в темном уголке.

Но я не такая.

И у меня нет ни малейшего желания общаться с ним, пока я учусь в Принстоне.

К сожалению, судьба распорядилась иначе: у меня было всего два спокойных дня.

Выстояв очередь в книжном магазине, спешу в общежитие, чтобы оставить там тонну учебников и успеть на автобусную экскурсию по кампусу. Хочу узнать как можно больше о его истории, насчитывающей уже два с половиной века, и красивейшей готической архитектуре. Так что времени у меня в обрез.

Ну и, конечно же, именно в такой момент попадаю в засаду.

– Что у тебя там, Ирландка? – Ловкая рука вытягивает перечень моих учебных курсов, засунутый между книжками и моей грудью, задевая ключицу, и я невольно вздрагиваю.

– Ничего, – бормочу я, не собираясь вступать в какие бы то ни было дискуссии. А он уже изучает список предметов, с задумчивым видом покусывая чувственную нижнюю губу. Мне остается лишь смириться и ждать, ну и, пользуясь случаем, обратить внимание на то, что я упустила в темноте и пьяном угаре. Когда была полуголая и меня загнали в угол. Как оказалось при свете дня, волосы у Эштона не черные, а темно-каштановые. Густые брови в идеальном порядке. А глаза не просто карие, а с зелеными крапинками. И ресницы у него длиннющие, густые и загнутые...

– Ирландка?

– Что? – Я отвлекаюсь от своих мыслей, а он смотрит на меня с ухмылкой, будто сказал мне что-то важное, а я так увлеченно его разглядывала, что не расслышала.

Так оно и было.

Прочищаю горло и чувствую, как уши, а потом и все остальное заливают румянец. Мне хочется спросить, почему он называет меня Ирландкой, но вместо этого просто переспрашиваю:

– Что ты сказал?

На мою удачу, он меня не подкалывает, а спрашивает:

– Как татуировка? – И осторожно кладет на место листок, снова задевая пальцем ключицу. А я снова вздрагиваю от его прикосновения.

– Все в порядке. – Перевожу дыхание, прижимая стопу книг к груди, и отвожу глаза. Смотрю на снующих мимо студентов. Куда угодно смотрю, только бы не видеть живое напоминание о той скандальной ночи.

– Да? А у меня зудит. Адски.

– Ну да, чешется немного, – соглашаюсь я и поднимаю глаза на лицо Эштона. Он широко улыбается, и на щеках у него обалденные ямочки. Такие глубокие, что у меня учащается дыхание. Такие глубокие, что я вдруг вспоминаю, как любовалась ими, когда была пьяная. Настолько пьяная, что тыкала в одну пальцем. А может, и языком залезала.

– У тебя-то она хотя бы на спине, – говорит он с глуповатым видом. Он такой загорелый, что я не могу понять, на самом деле щеки у него чуть покраснели, или мне только кажется.

И тут я не выдерживаю и хихикаю. Он тоже хохотнул. А потом я вдруг вижу нас со

стороны – стоим напротив друг друга и смеемся. Только мои пальцы теребят его волосы на шее, а его язык ласкает мочку моего уха. Я тут же перестаю смеяться и прикусываю губу.

– Ну и сглупил же я! – тихо говорит он, качая головой. – Хорошо хоть она совсем маленькая.

А я все стараюсь прогнать картинку из головы и в результате, не подумав, соглашаюсь с ним:

– Да, я с трудом прочитала, и то пришлось наклоняться поближе... – И тут до меня доходит, что я произнесла это вслух, и кровь отливает от лица. Неужели я на самом деле это сказала? Нет, этого не может быть.

Судя по его глазам, понимаю, что может. Я так и сказала. Сейчас мне станет дурно.

– Я... Я не... Мне уже пора. – И я медленно отступаю, а по спине у меня катится капелька пота.

Он идет за мной и говорит, кивнув на список предметов:

– У тебя полно лекций по естественным наукам.

План побега накрывается медным тазом. Что он делает? Зачем он меня забалтывает? Надеется на продолжение? А я этого хочу?

Быстро окидываю его взглядом. Да, приходится признать: он хорош собой. Как сказала Риган, один из самых сексуальных парней во всем университете. Я здесь всего четыре дня. Пока не могу судить сама, однако уверена, что так оно и есть. И у меня слишком много воспоминаний, от которых меня бросает в дрожь, чтобы пытаться обманывать себя, будто бы мне все это не понравилось.

Но... нет, продолжения я не хочу. То есть, когда я на него смотрю, я понимаю: все это *неправильно*. Да он даже не похож на студента Принстона. Дело не в том, что есть какой-то определенный тип правильного студента Принстона, ничего такого нет. Судя по тому, что я вижу, студенты тут на удивление разные. И мало похожи на популярный образ из кинофильмов восьмидесятых: этакий избалованный парень из обеспеченной семьи в дорогом джемпере или куртке.

Просто Эштон не укладывается в мое личное представление о студенте Принстона. Не знаю, что тому причиной – его модные линялые джинсы с низковатой посадкой, серая рубашка с закатанными рукавами, татуировка на внутренней части предплечья или потертый кожаный браслет на запястье, похожий на наручник... Не знаю, в чем точно дело.

– Ирландка?

Опять он меня так называет. Трепло! Почему он не зовет меня по имени? Придумал мне *свое* имя. Судя по его ухмылке, он снова застукал меня за разглядыванием и наслаждается моментом.

Прочищаю горло и выдавливаю:

– Да. Только естественные науки. За исключением одного курса. – Я имею в виду курс английской литературы. С точки зрения медицинской карьеры, этот курс бесполезен, но доктор Штейнер будет доволен, что по его «рекомендации» я выбрала один курс, которым мне самой и в голову бы не пришло заняться.

– Попробую угадать. Хочешь посвятить себя медицине?

Киваю и улыбаюсь.

– Детская онкология. – В отличие от многих студентов, которые не представляют, чем заниматься в жизни, я выбрала себе профессию еще в детстве, когда моя подруга Сара Доусон умерла от лейкемии. Тогда мне было девять. Решение пришло само собой. Я плакала

и спросила папу, чем я могла бы ей помочь. Папа ласково улыбнулся и объяснил мне, что я ничем не могла помочь Саре, но я девочка способная и, когда вырасту, смогу стать хорошим врачом и спасу жизнь другим детям. Спасать детей – это же так благородно. И с того дня я не ставила под сомнение эту цель и упорно шла к ней.

Однако сейчас, глядя на выражение лица Эштона, можно подумать, я сказала ему, что мечтаю работать ассенизатором. На миг повисает пауза, а потом он резко меняет тему:

– Послушай, по поводу субботней вечеринки... Может, сделаем вид, будто ничего не было? – спрашивает он, засунув руки в карманы.

У меня отваливается челюсть, а мозг лихорадочно переваривает его слова. Последние три дня я сама только об этом и думаю. Сделаем вид? Хотелось бы. Было бы здорово, если бы я могла нажать клавишу «стереть» и больше не осталось бы тех воспоминаний, от которых я краснею и утрачиваю способность сосредоточиваться на. на всем остальном.

– Легко! – говорю я с улыбкой. – Остается только уговорить сделать то же самое мою сестру и Риган.

Он поднимает руку и скребет затылок, в результате чего рубашка натягивается у него на груди, и я вижу рельефные мышцы. И вспоминаю, как ласкала их на злополучной вечеринке.

– Думаю, с твоей сестрой проблем не будет, она ведь уехала.

– Да, не будет, – соглашаюсь я. *Просто она станет присылать мне время от времени фотки лысого здоровяка, который трудится над татуировкой у тебя на заднице, чтобы я вдруг не запамтовала.* Я предусмотрительно уничтожила это сообщение, но уверена, что получу еще не одно подобное послание.

– А Риган не проболтается, – продолжает Эштон. Опустив руку, он смотрит в сторону и бормочет, скорее себе самому: – Она свой парень.

– Отлично. Тогда все в порядке... – Может, я тогда смогу отодвинуть все это и снова стать собой. Ливи Клири. Будущий врач. Хорошая девочка.

Эштон смотрит мне в лицо, опускает взгляд на губы: наверное, потому что я усиленно кусаю нижнюю, еще чуть-чуть – и прокушу. Мне кажется, надо еще что-то сказать:

– А я почти ничего не помню, так что... – И я умолкаю, удивляясь тому, с какой легкостью я лгу. Оказывается, это так просто.

Он наклоняет голову и снова отводит взгляд в сторону, словно глубоко задумался. Потом чуть удивленно улыбается и говорит:

– Признаться, впервые слышу такое от девушки.

Я чувствую, как уголок рта у меня поднимается в улыбке, и опускаю глаза на его кроссовки, а сама думаю: Ливи, ты заработала один балл. Правда, общий счет после этой беседы разгромный, и не в мою пользу.

– Все бывает когда-нибудь в первый раз.

Его смех вынуждает меня снова поднять взгляд: он качает головой, словно смеется какой-то своей шутке.

– Что?

– Ничего. Просто... – Он держит паузу, словно решает, говорить или промолчать. Все-таки решает сказать и усугубляет мое унижение широкой улыбкой: – Просто у тебя, Ирландка, в ту ночь много чего было впервые. Каждый раз ты сама загибала пальцы.

Лучше бы мне сразу умереть на месте. Похоже, так оно и будет: сердце сейчас остановится. Не знаю почему, но руки слабеют, и все мои учебники валятся на траву. Рядышком с последними крохами моего растоптанного достоинства.

Я чуть не падаю, чтобы поднять их, и пытаюсь припомнить подробности вечеринки. Дело в том, что я не помню, как разговаривала с Эштоном. И точно не помню, как загибала пальцы, подсчитывая все свои...

И тут на мою беду сейф в моей памяти приоткрывается, и я вижу еще одну картинку. Кирпичная стена у меня за спиной, передо мной Эштон, я обвила ногами его за пояс, и он прижимает меня к себе. А я шепчу ему на ухо, что ничего подобного раньше не чувствовала и что это, оказывается, намного тверже, чем я предполагала.

– Боже праведный! – со стоном выдавливаю я, и у меня сводит живот. Нет, сейчас меня точно вырвет. Прямо на глазах у всех.

Сердце начинает колотиться еще сильнее, когда я осознаю, что моим унижениям нет конца. Ведь тогда на вечеринке я говорила точь-в-точь как актриса из того ужасного видео, которое меня силком заставила смотреть Кейси. Я случайно зашла к этим чудикам, когда они его смотрели. Кейси буквально приковала меня к дивану и не отпускала, а Трент, Дэн и Бен ржали, как кони, над тем, как я краснела и вопила от ужаса.

Нет, это не сестра, а Антихрист. Это она во всем виновата. Она и Штейнер. И этот проклятый коктейль. И...

– Ирландка! – Услышав голос Эштона, я вздрагиваю, и до меня доходит, что он сидит на корточках рядом со мной и держит в руках учебник, и вид у него озадаченный. Он берет меня за локоть и помогает подняться на ноги. – Похоже, ты с головой погрузилась в свои мысли, так? – говорит он, протягивая мне книгу.

Не знаю, что ответить, поэтому молчу. Выдерживаю паузу, беру учебник и тихо говорю:

– Можешь считать, что субботняя вечеринка забыта.

– Спасибо, Ирландка. – Он трет лоб кончиками пальцев. – Не хотел, чтобы так все вышло. Мне жаль. То есть... – Он смотрит на меня и морщится, словно столкнулся со мной и проверяет, не ушиблась ли я. Я слышу чуть заметный вздох, а потом он отступает назад. – Еще увидимся.

Я чуть заметно киваю и выдавливаю улыбочку. А про себя ору изо всех сил: «Не дождешься!»

* * *

– Черт возьми! – бормочу я, когда прихожу на место встречи с опозданием в десять минут. Смотрю по сторонам: ни автобуса, ни экскурсантов. Уехали знакомиться с достопримечательностями этого замечательного университета, а я торчу тут одна, снова и снова прокручивая в голове разговор с Эштоном. Каждое его слово застряло в памяти. Особенно эти два: «Мне жаль».

Он сожалеет, что связался со мной. Этот повернутый на сексе тип так сожалеет, что отслеживает меня и просит, чтобы я никому ничего не сказала.

Ему даже неприятно вспоминать об этом. Поэтому он и поморщился.

Одно дело, когда я сожалею о том, что у меня с ним было. То есть я совершила глупость, нечто абсолютно для меня нехарактерное. В результате у меня впервые случилось столько всего – и с кем? С парнем, которого я совсем не знаю. С типом, у которого до меня была сотня пьяных девиц-однодневок, и наверняка дело заходило намного дальше, чем со мной.

И теперь ему, видите ли, жаль.

Сажусь на ступеньку лестницы и невидящим взглядом смотрю на свои руки. Все, что есть во мне разумного, твердит мне: хватит думать об этом. Но я не могу остановиться. Несколько раз сглатываю слюну, но во рту по-прежнему сухо, а я все перебираю в голове мыслимые и немыслимые причины, по которым Эштон может сожалеть о случившемся. Может, он считает меня непривлекательной? Проснулся в воскресное утро, увидел меня трезвым взглядом и подумал: «Какого хрена я тут делаю рядом с этой серой мышкой?» Ясное дело, видок у меня был еще тот: волосы всклокоченные, глаза опухшие, а изо рта разит так, что цветочки вянут.

А может, дело в моем «уровне мастерства»? Разумеется, опыта у меня нет, но... неужели я настолько плоха?

Я настолько погрузилась в свои мысли, что, когда рядом какой-то парень сказал «извините», не подняла головы, решив, что он разговаривает с кем-то еще. Но услышав то, что он сказал потом, вернее, как он это сказал, подняла глаза, чтобы взглянуть, кто это.

– С вами все в порядке?

Смотрю, приоткрыв рот от удивления, а он садится рядом со мной, и я молча киваю, глядя на его темно-зеленые глаза и приятную улыбку.

– Вы уверены? – спрашивает незнакомец с легкой усмешкой. Такой же приятной, как и его улыбка.

– Вы из Ирландии? – выпаливаю я, не успев совладать с собой. Закрываю глаза, пытаюсь объяснить себе, почему я это спросила. – То есть... я подумала... У вас акцент... Мне показалось, вы приехали из Ирландии. – *А ты, Ливи, сбежала из дурки.*

– Меня зовут Коннор. Вы правы. Я родом из...

– Дублина, – перебиваю его я, а внутри поднимается волна радостного возбуждения.

Он кивает с лучезарным видом, словно ему очень приятно.

– Живу в Штатах с двенадцати лет.

Улыбаюсь еще шире. Не могу остановиться. Наверное, здорово похожа на слабоумную.

– А вас как зовут? Или мне называть вас просто «мисс Улыбка»?

– Ой, извините. – Пытаюсь придать лицу серьезность и протягиваю ему руку. – Ливи Клири.

Он вскидывает брови и берет мою ладонь в свою. Рука у него теплая и сильная. и уютная.

– Мой отец вырос в Дублине. А ваш акцент. вы мне его напомнили. – Папа переехал в Штаты, когда ему было тринадцать, и давно уже говорил без акцента, но порой у него проскальзывали ирландские словечки. Как и у Коннора.

– Значит, ваш отец тоже обаятельный и привлекательный?

Я хмыкаю и опускаю глаза, прикусив язык, чтобы случайно его не поправить. *Был* обаятельным и привлекательным. Пару минут разговора маловато, чтобы обсуждать тему ушедших родителей.

Какое-то время мы сидим молча, а потом Коннор спрашивает:

– Мисс Клири, а почему вы сидите тут в полном одиночестве?

Я вздыхаю и небрежно взмахиваю рукой.

– Собиралась на ознакомительную экскурсию, но опоздала. Задержалась с... – Мысли возвращаются к предыдущему разговору, нарушая мой покой. – С одним засранцем, – рассеянно бормочу я себе под нос.

Коннор оглядывается кругом и спрашивает с улыбкой:

– А этот засранец где-то рядом?

Чувствую, что краснею.

– Не думала, что вы услышите. – С того дня как Штейнер порекомендовал мне разнообразить свою речь бранными словами – из лексикона сестры, – ловлю себя на том, что чуть ли не каждое произнесенное мною предложение расцвечено эмоциональным словечком. Особенно, если я расстроена или нервничаю, хотя сейчас я абсолютно спокойна. – Нет. Надеюсь, в данный момент он далеко отсюда. – В глубоком колодце, развлекается в компании девиц и ни о чем не жалеет.

– Ну, раз так, – Коннор поднимается и протягивает мне руку, – позвольте я покажу вам Принстон. Сомневаюсь, что эта экскурсия будет очень содержательной, но, между прочим, я тут уже три года.

Без малейших колебаний подаю ему руку. Сейчас это именно то, что мне нужно: прогуляться по кампусу в компании Коннора из Дублина.

* * *

Оказывается, Коннор из Дублина знает об истории Принстона на удивление мало. Однако он ловко компенсирует это изрядным количеством уморительных случаев из своего личного опыта. Когда мы возвращаемся к общежитию, мы с ним уже накоротке и у меня живот болит от смеха. (Коннор привел меня в уютный, почти средневековый дворик, о существовании которого я не знала, – отличное место для занятий!)

– ...И на следующее утро, вот на этом самом месте, они нашли моего соседа по комнате в одних черных носках, – говорит Коннор с улыбкой, показывая на деревянную скамейку.

Где-то посередине экскурсии я поняла, насколько Коннор привлекательный. Сразу я этого не заметила, наверное, потому что была взвинчена после разговора с Эштоном. Коннор высокого роста, светловолосый, строгая стильная стрижка и гладкая, загорелая кожа. Он худощавый, но при ходьбе заметно, что под отглаженными брюками цвета хаки и клетчатой рубашкой тренированное тело. В общем, примерно так я и представляла себе того самого студента, с которым однажды буду гулять по кампусу.

Но особенно подкупает улыбка Коннора – широкая и искренняя. Она у него такая открытая, и за ней ничего не скрывается, никакого обмана.

– Как же ты успеваешь учиться? Тебя послушать, так ты только и ходишь по вечеринкам, – удивляюсь я, прислоняясь к скамейке и опираясь о нее коленом.

– А мои соседи хотели бы, чтобы я проводил на вечеринках еще больше времени, – с усмешкой возражает он. – Хотя во время учебного года предпочитаю их пропускать. Во всяком случае, во второй половине семестра. Каждому свое: лично я хочу получить в университете хорошее образование, а не большую печень и венерические заболевания.

Заметив мой взгляд, он вспыхивает и смущенно бормочет:

– Извини. – И продолжает с усмешкой: – Просто в последний раз они меня достали. Закатали в субботу такую вечеринку в тогах, что мы до сих пор не можем дом в порядок привести.

Чувствую, что деревенею. Вечеринка в тогах? Та самая, где я как следует оттянулась и зажигала с Эштоном? Переведя дыхание, шепотом спрашиваю:

– А где ты живешь? – Я понятия не имею, где была эта чертова вечеринка, так что адрес

мне мало чем поможет. Главное понять – был ли там Коннор и видел ли он мое представление.

Коннор смотрит на меня заинтересованным взглядом.

– Прямо за территорией кампуса, с несколькими друзьями.

«Прямо за территорией кампуса». Именно так сказала Риган, когда мы в тот вечер собирались на вечеринку. Может, в тот раз была не одна вечеринка в тогах?

– Да? – Усилием воли пытаюсь изобразить непринужденный тон. В результате получаю обратный результат – будто меня кто-то душит. – Кстати, я в субботу была на вечеринке в тогах.

– Вот как? – усмехается Коннор. – Наверное, у нас в доме. Теперь мало кто устраивает такие вечеринки. – Он закатывает глаза. – Это все мой сосед Грант, большой любитель повыпендриваться. Было весело?

– Угу. – Слежу за ним краем глаза. – А тебе понравилось?

– А я был в Рочестере, на свадьбе у двоюродного брата, – отвечает Коннор, качая головой. – Жаль, что так совпало, но моя семья помешана на семейных праздниках. И пропусти я эту свадьбу, мама бы меня убила.

С облегчением перевожу дыхание, стараясь, чтобы Коннор не понял, как я рада, что его на вечеринке не было. Впрочем, будь он там, он бы сейчас со мной не разговаривал.

– Говорят, народ оттянулся на славу. Соседи полицию вызвали, чтобы прикрыть лавочку.

– Да, пьяных было много... – бормочу я и, чтобы поскорее покончить с этой темой, спрашиваю: – А у тебя какая специализация?

– Политика. Готовлюсь поступать на юридический. – Он не сводит с меня глаз. – Надеюсь, на будущий год поступлю в Йель или Стэнфорд.

– Здорово, – говорю я и снова ловлю себя на том, что смотрю в его дружелюбные зеленые глаза и улыбаюсь.

– А ты? Чем собираешься заниматься?

– Молекулярной биологией. Надеюсь стать врачом.

Коннор хмурит брови.

– А ты знаешь, что можно поступать в медицинский, даже если у тебя специализация в области гуманитарных предметов?

– Знаю. Просто мне легко даются естественные науки.

– Вот как! – Коннор смотрит на меня с нескрываемым любопытством. – Значит, ты и красивая, и умная. Убийственное сочетание.

Опускаю глаза и чувствую, что щеки у меня краснеют.

– Ну вот ты и дома. – Он обводит рукой фасад. – Роскошное здание, верно?

Поднимаю голову и рассматриваю этот образец неоготической архитектуры. В другое время я бы согласилась. Но сейчас чувствую разочарование: моя экскурсия в компании улыбчивого Коннора подошла к концу. А я еще не готова к этому.

Смотрю, как он отступает, засунув руки в карманы.

– Рад знакомству, Ливи из Майами.

– Взаимно, Коннор из Дублина.

Он подбрасывает носком камешек, и мы стоим молча, не зная, что сказать.

– В эту субботу у нас дома намечается небольшая вечеринка, – вдруг говорит Коннор. – Придешь? Если хочешь, захвати с собой свою чумовую соседку по комнате, про которую ты рассказывала.

– Но ведь ты же говорил, что во время учебного года не ходишь по вечеринкам, – поддавливаю его на противоречии.

Коннор задумчиво смотрит мне в глаза.

– Если это не повод пригласить красивую девушку. – Он краснеет и опускает взгляд.

А я внезапно осознаю, что Коннор не только симпатичный внешне, но еще и обаятельный. Не знаю, как надо отвечать в подобных случаях, поэтому просто говорю:

– Увидимся в субботу.

– Отлично. Часов в восемь? – Коннор называет улицу и номер дома, одаривает меня еще одной улыбкой и быстро уходит, словно спешит куда-то. А я все стою, прислонясь к скамейке, смотрю ему вслед и думаю: может, он пригласил меня просто из вежливости? Но тут, когда Коннор поворачивает за угол здания, он оборачивается и бросает на меня взгляд. Увидев, что я все еще на него глазею, посылает мне воздушный поцелуй и скрывается за углом.

А я сжимаю губы плотнее, чтобы не улыбаться как идиотка, от уха до уха.

День определенно задался.

Глава пятая. Диагноз

Пока я старалась посетить как можно больше университетских мероприятий, дабы пропитаться духом истории и культуры Принстона, Риган решила отметить на всех пирушках, чтобы пропитаться парами водки и пива. Она настаивала, что я непременно должна составить ей компанию. В результате из желания угодить своей соседке каждый вечер этой недели я провела на вечеринках в общежитии, а с утра не могла продрать глаза. Правда, у меня была еще одна причина: я надеялась встретиться с Коннором. А еще боялась снова увидеть Эштона. Но в конце концов надежда поборола страх.

К сожалению, Коннора я так и не встретила. Но и Эштона не увидела. Зато перезнакомилась с однокурсниками, в том числе с корейкой по имени Сан. Она тоже оказалась новичком по части вечеринок, так что с четверга нас таких было уже двое.

Не представляю, как Риган намеревается успевать с учебными нагрузками. Все ее учебники так и лежат на столе нетронутой стопкой. Она их даже не пролистала. У меня закралось подозрение, что она никакая не студентка, что Кейси с доктором Штейнером специально ее ко мне подселили. Представляю себе, как они веселились, составляя свой коварный план. Впрочем, кем бы Риган ни была, мне здорово повезло с соседкой. Жаль только, что она все время уговаривает меня вместе с ней выпить.

* * *

В дверь все стучат и стучат. Открываю глаза.

– Пристрелите меня, – стонет внизу Риган.

– Пристрелю, только сначала открой дверь, – бормочу я, накрываю голову подушкой и выталкиваю из-под себя учебник с очень острыми уголками. Ночью я ухитрилась смыться с очередной вечеринки двумя этажами выше и углубилась в науку. Когда я последний раз взглянула на будильник, было три часа ночи. Сейчас семь. – Риган, это наверняка к тебе, – сообщаю я, сворачиваясь клубком. – Я же никого тут не знаю.

– Тихо! Сейчас уйдут, – шепчет она.

Однако не уходят. Стучат еще сильнее, да они так пол-этажа разбудят. Усилием воли приподнимаюсь на локтях и собираюсь спускаться, но слышу обреченный стон Риган и скрип кровати. Она топает к двери, чертыхаясь и поминая Сатану.

– Вставайте, сони!

Услышав этот голос, я резко вскакиваю, и комната кружится у меня перед глазами.

– Что вы тут делаете? – необычно писклявым голосом спрашиваю я, глядя на импозантного мужчину в безупречном костюме на пороге комнаты. Я не видела доктора Штейнера два с половиной года. В общем-то, он не изменился, разве что волосы поседели и поредели.

Он пожимает плечами.

– Сегодня суббота. Я же говорил, что мы сегодня побеседуем.

– Да, но не говорили, что приедете. Да еще в семь утра!

Он бросает взгляд на наручные часы и хмурится.

– Неужели так рано? – А потом снова пожимает плечами и скидывает руки, а в глазах

загорается неподдельная радость. – Славный сегодня денек! – Руки падают вниз, и Штейнер уже спокойно говорит: – Одевайся. У меня сегодня в городе конференция, и к полудню я должен вернуться. Жду тебя в вестибюле через полчаса.

Перед уходом он замечает растрепанную Риган в мятом топе и розовых пижамных штанах. Она сидит на кровати и смотрит на него во все глаза. Он протягивает ей руку.

– Привет, я доктор Штейнер.

Она жмет руку с усталой гримасой.

– Привет, я Риган.

– Ну да. Соседка по комнате. Наслышан.

От кого? Я же не говорила с ним с тех пор, как...

Ответ очевиден: опять сестрица постаралась. Больше никому.

– Пусть Ливи как можно больше общается, хорошо? У нее тенденция слишком много времени уделять занятиям. Только держите ее подальше от джелло-шотов и прочих соблазнов. – И не дожидаясь ответа, доктор Штейнер выходит так же быстро, как и вошел, оставив меня наедине с соседкой и ее изумлением.

– Что это было?!

Ну и с чего же мне начать? Трясу головой, спускаю ноги с кровати и ворчу под нос:

– Долго рассказывать.

– Ладно, но... Это что, врач? То есть, скажи мне... – Она колеблется. – Это твой лечащий врач?

– Выходит так, уж не знаю, к добру это или как. – Больше всего на свете я хочу сейчас еще несколько часов провести под одеялом, но точно знаю: если через полчаса я не спущусь в вестибюль, Штейнер снова нарисуеться в коридоре и будет громогласно меня выкликать.

– А какой он доктор? То есть... – Она наматывает прядку длинных волос на пальцы. Риган нервничает – это редкое зрелище.

Открываю рот, чтобы ответить, но тут же закрываю: внезапно в голову приходит мысль ее разыграть. Надо же отплатить ей за водку, которую Риган вчера чуть не силком в меня влила... Сжимаю губы, чтобы не улыбаться, достаю из ящика комода джинсы и майку и спокойно говорю:

– В основном он специализируется по шизофрении.

Повисает пауза. Я не поднимаю глаз, но уверена: рот у Риган нараспашку.

– Да? Ну и. А на мне это может как-то отразиться?

Схватив сумочку, иду к двери и, взявшись за ручку, останавливаюсь, словно задумалась.

– Нет, вряд ли. Хотя. Если я начну вдруг... – Машу рукой. – Впрочем, не бери в голову. Такое вряд ли повторится. – Выскальзываю в коридор, делаю несколько шагов и начинаю хохотать так громко, что из соседней комнаты раздается «Заткнись!».

– Ливи, ты у меня за это еще схлопочешь! – орет за закрытой дверью Риган, а потом тоже хохочет.

Юмор если не спасает, то делает жизнь легче.

* * *

– Я догадался, что сообщение написала Кейси, – говорит Штейнер и допивает остатки кофе, запрокинув голову. (Таких больших чашек я еще не видела.) Мой кофе совсем остыл, я

его только пригубила, пока доктор Штейнер вытягивал из меня мельчайшие подробности моей первой недели в Принстоне.

Он кого хочешь разговорит. Помню, сначала Кейси на него за это страшно злилась. Тогда моя сестра была совершенно сломлена. Не хотела ничего обсуждать – ни аварию, ни утрату, ни разбитое сердце. Однако к окончанию интенсивного лечения в стационаре доктор Штейнер умудрился вытянуть из Кейси все, что ему надо было знать, и вылечил ее.

Сестра предупреждала меня еще тогда, когда только начались его звонки. «Ливи, просто расскажи ему то, что ему нужно знать. Он выяснит все так или иначе, лучше сразу расскажи сама. Может, он и так все уже знает. Похоже, он пользуется гипнотическими трюками джедаев».

За три месяца наших нетерапевтических сеансов я ни разу не испытывала трудностей в общении с доктором Штейнером. Мне не пришлось обсуждать что-то болезненное или трагическое. Но при этом он просил меня делать такие вещи, от которых сердце билось как сумашедшее, например, прыгать на тарзанке или смотреть фильм «Пила». Меня потом три недели кошмары мучили. Но сами беседы – о маме и папе, о воспоминаниях детства, даже о дяде Рэймонде и причине, по которой мы уехали из Мичигана, – никогда не были трудны или неприятны. Наоборот, большинство из них были приятными.

Тем не менее после двух часов обсуждения моего пьяного дебюта и всех его последствий лицо у меня горело от стыда. Я прекрасно понимала, что он будет спрашивать о той субботе, и планировала опустить наиболее пикантные моменты, но доктор Штейнер знает, как выудить все до мелочей.

– Ливи, за последние месяцы ты здорово продвинулась.

– Думаю, пока что гордиться мне особенно нечем.

– Не скромничай! Сегодня вечером у тебя свидание с парнем.

– Не совсем свидание. Скорее, это...

Он машет рукой, обрывая мои сомнения.

– Да еще три месяца назад ты бы, не задумываясь, променяла свидание на учебник.

– Пожалуй. – Я убираю от лица прядь волос. – Или упала бы в обморок от одной лишь перспективы.

– Вот именно! – с усмешкой подтверждает доктор Штейнер.

Повисает пауза, и я украдкой бросаю на него взгляд.

– Значит, я больше не нуждаюсь в лечении? То есть я хочу сказать, что изменила свои привычки. И если не прекращу ходить по вечеринкам, то скоро вам придется лечить меня от алкоголизма.

Доктор Штейнер раскатисто хохочет. Потом приступ веселости проходит, доктор молча смотрит на свою чашку и задумчиво водит по ободку указательным пальцем.

А я начинаю нервничать. Доктор Штейнер редко так подолгу молчит.

– Думаю, тебе нужно жить так, как ты считаешь нужным, – тихо говорит он. – Мне больше не надо говорить тебе, что делать и как развлекаться. Ты должна сама принимать все решения.

Я откидываюсь на спинку скамьи, с облегчением перевожу дыхание, и на меня нисходит странное спокойствие. Доктор Штейнер уходит из моей жизни так же стремительно, как в нее вошел.

– Похоже, Кейси была не права, – говорю я скорее самой себе и ощущаю, как с меня сваливается груз, о котором я и не подозревала.

Раздается тихий смех.

– А, твоя сестра... – Он переводит взгляд на группу проезжающих мимо велосипедистов. – Когда Кейси впервые пришла ко мне, я сразу подумал о тебе, Ливи. Правда. Я задался вопросом, как тебе удалось справиться со всеми этими обстоятельствами. Но я был полностью поглощен Кейси и Трентом, а ты словно бы ехала сама по себе прямою дорогой. Даже когда весной Кейси пришла ко мне побеседовать о тебе, у меня были сомнения. – Доктор Штейнер снимает очки и трет переносицу. – Именно такие пациенты, как она, – в таком же угнетенном состоянии – облегчают мне работу.

Хмурю брови, силясь понять его слова.

– Но ведь я же не такая, как Кейси? – спрашиваю я и слышу, что голос у меня чуть дрожит.

Доктор Штейнер качает головой.

– Нет, Ливи. Хотя во многом вы на удивление похожи, в таких вещах вы очень разные.

– Правда? А я всегда считала, что мы с ней полные противоположности.

Он усмехается.

– Вы обе на редкость упрямые и сообразительные. Конечно, внешне ты более мягкий человек. Твоя сестра не скрывает свой темперамент, а ты... – Он чуть выпячивает губы. – А ты, Ливи, несколько раз удивляла меня своими выходками. А меня удивить нелегко.

Слежу за велосипедистами, они уже на другой дорожке, думаю над словами Штейнера и чувствую, что чуть заметно улыбаюсь. Меня еще никто не сравнивал вот так с моей сестрой. Я всегда была упорной, ответственной. Надежной. Осторожной, спокойной и выдержанной. Моя сестра как бенгальский огонь. В душе я всегда ей завидовала.

И я думаю о прошедшем лете, когда мне пришлось делать вещи, о которых я и помыслить не смела. В большинстве случаев рядом была Кейси, ничуть не заботясь о том, что может попасть вместе со мной в неловкую ситуацию.

– Да, это лето было познавательным, – признаюсь я с улыбкой. Поворачиваюсь к седовласому доктору и задаю вопрос, на который он раньше мне не ответил: – А почему вы заставляли меня делать все эти безумные вещи? Зачем это было нужно?

Он молчит, словно решая, что мне сказать.

– А ты поверишь, если я скажу, что делал это исключительно ради собственного удовольствия?

– Может, и поверю, – честно говорю я, и он ухмыляется. – Нет, я серьезно. Вы заставляете меня ходить на «быстрые свидания», но я не понимаю, какая польза от танцев «змейкой» или от сквернословия. Скорее это вызывает обратный эффект. Ну, понимаете... как бы наносит психологическую травму.

Доктор Штейнер скептически хмыкает.

– Не понимаю, каким образом тебя могли травмировать танцы.

Я приподнимаю бровь.

– А вы сами бывали на подобных мероприятиях? Да еще с моей сестрой?

Он закатывает глаза.

– Только не надо драматизировать. Вряд ли бы случилось так, что...

– У нее был микрофон! – перебиваю его я. – И она решила устроить импровизированный аукцион и продать свидание со мной! – Хорошо еще, что с нами была Шторм и держала ее в рамках... Я невольно закрываю рот ладонью, вспомнив самый острый момент. – А потом Кейси что-то подсыпала мне в напиток. – Доктор Штейнер ухмыляется, а

я трясущей головой. – К счастью, я сразу заметила. Иначе кто знает, что могло бы случиться. – Откидываюсь на спинку скамьи и бормочу себе под нос: – Попалась бы ковбою или механическому быку или еще черт знает кому. Получила бы клеймо на задницу.

Доктор Штейнер снова разражается хохотом, и через несколько секунд я тоже от души смеюсь вместе с ним.

– Ах, Ливи! – Он снимает очки и смахивает слезинки. – Дело ведь было не в том, *что* я просил тебя сделать. А в том, с каким задором ты бросалась выполнять каждое мое задание. – Он смотрит на меня с искренним удивлением и говорит с усмешкой: – Я все ждал, когда же ты меня пошлешь куда подальше, но ты исправно отвечала на мои звонки, выполняла все самые безумные мои просьбы, и выполняла с блеском!

Смотрю на него, наклонив голову набок.

– Так вы понимали, что они безумные?

– А ты нет? – Штейнер качает головой и грустно улыбается. – За это лето, Ливи, я узнал о тебе очень много. Из наших с тобой бесед. И по тому, как ты выполняла мои задания. Все лето я собирал информацию. – Он умолкает и чешет щеку. – Ливи, ты добрейшее создание. Ты так остро реагируешь на чужую боль. Ты словно бы ее впитываешь. Несмотря на твою удивительную застенчивость, ты сделаешь все и даже больше, лишь бы не подвести. Ты не любишь проваливать экзамены и не любишь подводить людей. Особенно тех, кого уважаешь, кто тебе небезразличен. – Он прикладывает ладонь к сердцу и наклоняет голову. – Я тронут, искренне.

Опускаю голову и чувствую, что краснею.

– А еще я узнал, что, хотя ты относишься с пониманием к несовершенствам других, ты крайне строга к самой себе. Думаю, если ты совершишь ошибку, ты просто заболеешь. – Доктор Штейнер сцепляет пальцы в замок. – А знаешь, какое у меня самое большое открытие? Причина, по которой я хотел поговорить сегодня с тобой лично... – Он вздыхает. – Похоже, ты живешь по определенному плану. Ему подчинено все, для тебя он почти как религия. Это стремление жить по плану руководит всеми твоими решениями, как сегодняшними, так и будущими. Ты не ставишь его под сомнение, не проверяешь. Просто следуешь ему. – Проведя пальцем по ободку своей чашки, он говорит еще медленнее: – Думаю, составить этот план тебе помогли родители, и теперь ты держишься за него изо всех сил. Слово таким образом хранишь им верность. – Он замолкает, а потом говорит совсем тихо: – И я думаю, что этот план тормозит твой рост и подавляет тебя как личность.

Я часто моргаю, пытаюсь переварить, как разговор так стремительно перешел от механических быков к моему замедленному взрослению.

– Что вы говорите? – спрашиваю я сдавленным голосом. Это что, диагноз? Доктор Штейнер ставит мне диагноз?

– Ливи, я говорю, что... – Он в задумчивости умолкает, а потом продолжает снова: – Я хочу сказать, что пришло время выяснить, кто ты на самом деле.

Мне остается лишь смотреть на человека, сидящего передо мной. Кто я? О чем он говорит? Я знаю, кто я такая! Я Ливи Клири, дочь Майлза и Джейн Клири. Взрослая и ответственная дочь, прилежная студентка, любящая сестра, будущий врач, добрый и отзывчивый человек.

– Но я... – Лихорадочно пытаюсь подобрать слова. – Доктор Штейнер, я знаю, кто я и чего я хочу. И никогда в этом не сомневалась.

– Ливи, а тебе не кажется, что это немного странно? Что в девять лет ты решила

заняться педиатрией, специализироваться на онкологии, и тебе никогда даже не приходило в голову заниматься чем-то другим? Знаешь, кем хотел быть я, когда мне было девять лет? – Он замолкает всего на секунду. – Человеком-пауком!

– Выходит, у меня были более реальные планы. Ничего странного в этом нет, – довольно резко возражаю я.

– А тебе никогда не приходило в голову, почему ты до недавнего момента избегала парней?

– Прекрасно знаю почему. Потому что я застенчивая и потому что...

– Мальчики высасывают мозг у девочек...

– И они сходят с ума, – с грустной улыбкой завершаю я предупреждение отца. С тех пор, как у Кейси взыграли гормоны, отец постоянно напоминал мне об этом. Говорил, что если я попаду в эту же ловушку, то буду плохо учиться.

– Думаю, что твоя реакция на противоположный пол объясняется не столько твоей застенчивостью, сколько подсознательной установкой не отклоняться от этого жизненного плана, которому ты должна следовать.

Подсознательная установка? Чувствую, как в сердце змеей вползает страх и по спине бегут мурашки. Он хочет сказать, что Кейси права? Что моя сексуальность подавлена?

Наклоняюсь, ставлю локти на колени и кладу подбородок на руки. Почему доктор Штейнер считает, что я стала не тем, кем должна стать? Он должен быть мной доволен. Он же сам сказал, что я справилась с ситуацией! Знаю, что родители мной бы гордились. Нет, со мной все в порядке.

– Думаю, вы заблуждаетесь, – тихо начинаю я, глядя в землю. – Вы ищете во мне что-то, чтобы поставить мне диагноз. Но со мной все в полном порядке. И с тем, чем я занимаюсь, тоже. – Распрямляюсь и обвожу глазами окрестности – красивейший кампус Принстона, я так старалась сюда попасть! Чувствую, как во мне волной поднимается гнев. – Я круглая отличница, буду учиться в Принстоне, о чем вы говорите! – Я чуть ли не кричу, но мне уже все равно. – Какого черта вы являетесь в семь утра в субботу, когда я только- только поступила в университет, и говорите мне, что вся моя жизнь это... что я... – В горле у меня ком, и я умолкаю.

Доктор Штейнер снимает очки и снова трет глаза. Он абсолютно невозмутим, словно ждал именно такой реакции. Он как-то говорил, что привык к тому, что на него кричат, и не надо чувствовать себя виноватой. После того, какую бомбу он на меня сбросил, я уж точно не собираюсь страдать от своей вины.

– Ливи, просто я хотел, чтобы ты над этим подумала. Полностью осознала и поняла. Это не означает, что ты должна бросить то, чем сейчас занимаешься. – Он чуть-чуть сдвигается, чтобы сидеть прямо напротив меня. – Ливи, ты умная девушка, и теперь уже совсем взрослая. Ты будешь знакомиться с парнями и ходить на свидания. Много работать для достижения своих целей. И, я надеюсь, ходить на вечеринки и как следует развлекаться. Просто я хочу быть уверен, что ты принимаешь решения и ставишь цели для *себя*, а не ради других. – Откинувшись на спинку скамьи, он добавляет: – Кто знает? Может, Принстон и медицинский – именно то, что тебе нужно. Может, мужчина, который сделает тебя счастливой на всю жизнь, именно тот, кого бы хотели для тебя родители. А может, ты поймешь, что выбрала не тот путь. В любом случае, я хочу, чтобы ты делала выбор с открытыми глазами.

Не знаю, что и сказать на все это, поэтому сижу молча, глядя перед собой невидящими

глазами, а в душе сумбур и сомнения.

– Жизнь постоянно устраивает нам испытания. Выкидывает такие фортели, что мы чувствуем что-то нам не свойственное и делаем вещи, прямо противоположные тем, что планировали. Она не позволяет нам мыслить категориями «черное-белое». – Доктор Штейнер по-отечески хлопает меня по коленке. – Хочу, чтобы ты знала: Ливи, звони мне в любое время, если вдруг захочется поговорить. В любое время. Не важно, по какому поводу, пусть даже самому незначительному. Если захочешь поговорить о занятиях или парнях. Пожаловаться на сестру, – говорит он с усмешкой. – Рассказать о чем угодно. И я очень надеюсь, что ты будешь мне звонить. Регулярно. Когда будешь готова к разговору. Сейчас, насколько я понимаю, ты бы с удовольствием вылила свой кофе мне на голову. – Он поднимается, потягивается и добавляет: – Все наши беседы будут конфиденциальными.

– Значит, вы больше не будете привлекать сестру для выполнения своей грязной работы?

Потирая подбородок, он улыбается и шепчет:

– А какой классный подручный из нее получился!..

– Думаю, вы не считали обязательным соблюдать конфиденциальность взаимоотношений между доктором и пациентом?

Доктор Штейнер смотрит на меня, вопросительно вскинув брови.

– А разве ты была моим пациентом?

– А теперь стала?

Он улыбается и протягивает мне руку, помогая подняться.

– Пусть наши отношения будут свободными. Звони мне, когда захочешь поговорить.

– Я не могу вам платить.

– Ливи, я не жду от тебя ни цента. – Потом, словно вспомнив что-то, добавляет: – Разве что приглашения на крестины первенца.

Обычно в ответ на такие шутки я гримасничаю. Но только не сейчас. Я не настроена шутить. Груз, который давил на меня в течение трех месяцев, когда я гадала, что обнаружит во мне доктор Штейнер, двадцать минут назад свалился с моих плеч. А теперь снова рухнул мне на спину, придавив всей тяжестью.

Я уверена, он ошибается.

Но что, если нет?

Глава шестая. «Если» или «когда»

Ехать из Принстона до Манхэттенской детской клиники почти два часа, так что у меня было время обдумать неожиданный визит доктора Штейнера и его возмутительный диагноз. В результате, когда я стою в регистратуре, чтобы попасть на свое первое волонтерское дежурство, в голове у меня еще больший сумбур, чем в самом начале. Может, на самом деле он не такой уж и замечательный специалист? А может, у него тоже крыша поехала, только его еще недообследовали? А может, и то, и другое.

– Ливи, а вы уже работали с детьми в больнице? – Сестра Гэйл покачивает бедрами, пока мы идем с ней по больничному коридору.

– Нет, – отвечаю я с улыбкой. Зато в больницах провела уйму времени, и теперь сирена «скорой» и больничный запах – смесь медикаментов с хлоркой – переносит меня в те страшные дни, семь лет назад, когда Кейси лежала вся в трубочках и повязках с пустыми глазами, а медперсонал при виде меня раздвигал губы в натянутой улыбке.

– С такой рекомендацией, как у вас, можно позволить себе быть скромной, – говорит сестра Гэйл, и мы, если верить табличке, подходим к игровой комнате. – Вы, можно сказать, прирожденный магнит для детей.

Глаза у меня лезут на лоб, и я открываю рот, чтобы спросить, о какой рекомендации идет речь, но внезапно меня озаряет: это работа Штейнера. Еще в июне я обмолвилась, что предложила свои услуги в качестве волонтера этой детской больнице, но так и не получила от них ответа, а он сказал, что у него там друзья. На следующей неделе мне позвонили, задали несколько вопросов и предложили работать по субботам в программе «Спасем жизни детей» – развлекать маленьких пациентов. Я с радостью согласилась. Конечно же, я догадывалась, что без доктора Штейнера не обошлось, но в полной мере я оценила его заботу только сейчас. Когда я буду поступать в медицинский, опыт работы с детьми пойдет мне в плюс: это послужит прекрасным доказательством моей преданности педиатрии. То есть, похоже, он помогает мне добиться моей нынешней цели. Какая ирония – ведь при этом доктор Штейнер считает, что я – запрограммированный робот и мне здесь не место.

Отбрасываю все тревожные мысли: я точно знаю, чего хочу, и понимаю, что я там, где и должна быть. Поэтому вежливо киваю сестре Гэйл и говорю:

– А они магнит для меня.

Она останавливается у двери и смотрит на меня с задумчивой улыбкой.

– Позволю себе дать вам совет, дорогая моя. Будьте осторожны, постарайтесь держать дистанцию. Понимаете? – И мы заходим в большую, яркую игровую комнату, где уже есть несколько детей и волонтеров. Услышав заразительный смех, я с облегчением перевожу дыхание. Это лучше любого успокоительного.

Я отдаю себе отчет в том, что всегда была не совсем обычной. Еще ребенком я первая мчалась со всех ног к учителю, если кому-то был нужен бинт, и всегда пыталась разнять дерущихся. Когда подросла, с радостью работала волонтером в Ассоциации молодых христиан, в бассейне или библиотеке. Короче, везде, где требуется помощь малышам. В детях меня привлекает искренность и простота. А может, их искренний смех и застенчивые обнимашки. А может, даже их пугающая честность. Еще мне нравится, как доверчиво они прижимаются ко мне, когда им страшно или обидно. Знаю одно: я хочу им помочь. Всем.

– Познакомьтесь, Ливи, это Диана, – говорит сестра Гэйл, подведя меня к коренастой

женщине средних лет с короткими каштановыми волосами и добрыми глазами. – Она тоже работает в программе «Спасем жизни детей». Сегодня она старшая в игровой комнате.

Диана дружески подмигивает мне и проводит пятиминутную экскурсию по помещению, по ходу объясняя обязанности. Потом показывает мне двух мальчишек, сидящих рядышком спиной ко мне на полу перед целой горой «Лего». Они одного роста, только тот, что справа, более худенький. И на голове у него ни единого волоска, а у другого – стриженные русые волосы.

– Сегодня будете заниматься этими двумя. Эрик! Дерек! Познакомьтесь, это мисс Ливи.

Ко мне оборачиваются две одинаковые мордашки.

– Близнецы? – невольно улыбаюсь я. – Ну-ка, дайте я угадаю... Дерек это ты? – И я киваю на малыша с копной волос.

Он широко улыбается, обнажая выпавшие передние зубы, и я тут же вспоминаю дочку Шторм, Мию.

– Не угадала. Я Эрик.

Картинно закатываю глаза.

– Никогда не разберусь с вами! – говорю я, а про себя думаю: и зачем только родители дали близнецам еще и похожие имена? Стою и молча улыбаюсь.

– А Дерек лысый. Его легко запомнить, – продолжает Эрик, пожимая плечами. – А скоро я тоже буду лысым. Вот тогда нас хрен разберешь.

– Эрик! – Диана многозначительно поднимает бровь.

– Извините, мисс Диана. – Нарочито скромно потупившись, он отвлекается на собранную из «Лего» машинку, а у меня щемит в груди. Больны *оба*?

– А ты пришла поиграть с нами? – робко спрашивает Дерек.

Киваю и спрашиваю:

– Можно?

Мордашка Дерека расцветает улыбкой, и я вижу, что у него тоже нет двух передних зубов.

Бросаю взгляд на его брата, который упоенно сталкивает две машинки, и спрашиваю:

– Эрик, а ты что скажешь? Будешь со мной играть?

Эрик смотрит на меня через плечо, не прекращая игры, и говорит:

– Буду. Наверное.

Я замечаю, что он чуть заметно улыбается, и понимаю, кто из двоих главный заводила.

– Здорово! Только сначала я поговорю немного с мисс Дианой, ладно?

Они дружно кивают и снова погружаются в мир «Лего».

Не сводя с них глаз, подхожу к Диане и шепотом спрашиваю:

– Рак?

– Лейкемия.

– У обоих? Точно?

Она молча кивает.

– Какой... – Я замолкаю, не зная, как закончить предложение, а в горле у меня ком. – Какой прогноз?

Диана складывает руки на груди.

– Отличный. – Она переводит взгляд на Дерека. – Вернее, хороший. – Погладив меня по руке, она добавляет: – Ливи, вы здесь такого насмотритесь!.. Постарайтесь не принимать все слишком близко к сердцу. Лучше сосредоточьтесь на том, что происходит здесь и сейчас, а

остальное предоставьте медицине и Всевышнему.

Возвращаюсь к мальчикам и заставляю себя сделать веселое лицо. Сажусь напротив по-турецки и хлопаю в ладоши.

– А кто научит меня строить такие крутые башни?

Выясняется, что никто: вместо этого на меня обрушивается лавина вопросов, как будто они оба до моего прихода только их и готовили.

– Нам обоим шесть лет. А тебе сколько? – спрашивает Эрик.

– Восемнадцать.

– А родители у тебя есть? – По сравнению с братом Дерек говорит так тихо, что я с трудом его слышу.

Молча киваю, не вдаваясь в подробности.

– А зачем ты сюда пришла?

– Как зачем? Научиться играть в «Лего».

– А кем ты хочешь стать, когда станешь взрослой?

– Врачом. Для таких детей, как вы.

– Хм. – Эрик катает машинку по кругу. – А я хочу быть оборотнем. Хотя... пока еще точно не решил. А ты веришь в оборотней?

– М-м-м... – Делаю вид, что размышляю над этим вопросом. – Верю. Только в добрых.

– Ага. – Какое-то время Эрик переваривает информацию. – А может, стану автогонщиком. – Он пожимает плечами. – Еще не решил.

– Хорошо, что у тебя еще много времени, чтобы точно решить, – говорю я и тут же понимаю, что в эту тему лучше не углубляться.

На мою удачу, Дерек уже волнует другое.

– А дружок у тебя есть?

– Нет еще. Но я над этим работаю.

Лысые бровки хмурятся.

– Как это ты работаешь над дружком?

– Ну, понимаешь... – Закрываю рот ладонью, чтобы не расхохотаться. Бросаю взгляд на Диану: та играет с девочкой, но, судя по тому, как она кусает губу, все слышала и с трудом сдерживается. – Я познакомилась с парнем, который мне нравится, и думаю, я тоже ему понравлюсь, – честно признаюсь я.

– Понятно. – Дерек кивает головой и, похоже, готов задать очередной вопрос, но его опережает брат:

– А ты уже целовалась с мальчиком?

– Я? – От неожиданности я на миг теряюсь. – Я не целуюсь и не ябедничаю. Это хорошее правило. Запомните его, – нахожусь я и надеюсь, что лицо у меня не пунцовое.

– А папа говорит, что когда-нибудь я захочу поцеловать девочку, но ведь мне только пять, так что это ничего, что сейчас я не хочу целоваться.

– Твой папа прав. Обязательно захочешь. Вы оба захотите. – Смотрю на них и подмигиваю.

– Если только не умрем, – будничным тоном замечает Эрик.

Подтягиваю колени к груди и обхватываю их руками – в такой позе проще справиться с холодком внутри. Я общалась со многими детьми и много чего слышала. Случалось говорить и на тему смерти и загробной жизни. В отличие от предыдущих разговоров, вызванных исключительно любознательностью, слова Эрика ранят меня прямо в сердце. Потому что это

правда. Может случиться так, что эти два мальчика никогда не поцелуются с девочкой, не станут автогонщиками и не узнают, что оборотней – добрых или злых – не существует. Они могут не испытать ничего, что жизнь предлагает им, по той причине, что дети не бессмертны.

– Ты сжимаешь губы точно как мама, – говорит Эрик, соединяя две детали конструктора. – Она всегда так делает, когда мы говорим о смерти.

Ничего удивительного. Господи, какво бедной женщине изо дня в день смотреть не на одного, а на двух своих малышек, которых накачивают химией, и не знать, что принесет следующая неделя, следующий месяц или год!

Даже думать об этом больно. Ведь мне нельзя думать об этом, напоминаю я себе. Я здесь именно для того, чтобы они об этом не думали.

– А давайте договоримся, что во время игры не будем говорить о смерти, – предлагаю я, проглотив комок. – Давайте лучше будем говорить о том, что будет, когда курс лечения закончится и вы отправитесь домой, хорошо?

Эрик хмурится.

– А что, если...

– Нет! – Я трясусь головой. – Никаких «если». Понятно? Давайте не будем думать о смерти. Будем думать, как жить дальше. Идет?

Они переглядываются, и Эрик говорит:

– А можно я не буду думать о том, как целоваться с девочкой?

Тягостная атмосфера вмиг улетучивается, и я хохочу, чуть ли не до слез – и по многим причинам.

– Ты можешь думать о чем угодно, только расти и взрослей. Мы же договорились!

Я протягиваю им руки. Глаза у них загораются, и они протягивают свои ладошки мне, как будто мы заключили секретный договор. Причем мне он нужен ничуть не меньше, чем им.

Совместными силами собираем из конструктора линкор, авианосец и камеру пыток (это Эрик додумался). Братья постоянно спорят и ссорятся – точно как я себе и представляла близнецов. Все так естественно, и я почти забываю о том, что оба мальчика на лечении в онкологической больнице. Почти забываю. Но холодок в груди никуда не девается и, сколько ни смейся, не исчезает.

Четыре часа пролетают на удивление быстро, и вот уже в дверях показалась медсестра: детям пора убирать игрушки и возвращаться в палату.

– А ты еще придешь? – спрашивает Эрик, заглядывая мне в глаза.

– Думаю, в следующую субботу приду, если вы не возражаете.

Он пожимает плечами, словно ему безразлично, но потом смотрит на меня искоса и ухмыляется до ушей.

– Значит, договорились. – Поднимаюсь на ноги и треплю его волосы. – Пока-пока, Эрик! Увидимся в субботу. – Поворачиваюсь к Дереку. Сейчас он застенчиво улыбается, и я замечаю красноту вокруг глаз и опущенные плечи. Четыре часа игр его утомили. – Пока-пока, Дерек! До субботы, хорошо?

– До свидания, мисс Ливи.

Махнув на прощание Диане, я медленно выхожу в коридор, где меня ждет женщина со светлыми волосами, наскоро собранными в хвост на затылке.

– Здравствуйте, я Конни, мама близняшек, – говорит она. Ее глаза с темными кругами от

недосыпания смотрят сквозь стеклянную дверь, где мальчишки упоенно спорят, в какую коробку положить деталь конструктора. – Я смотрела, как вы тут с ними играете. Я... – Она откашливается. – Знаете, я давно не видела, чтобы они так много улыбались. Спасибо вам.

– А я Ливи. – Протягиваю ей руку. Ладонь у нее жесткая и твердая. Конни в униформе официантки, наверное, только что с работы. Надо думать, приходится вкалывать, чтобы оплатить больничные счета. Наверное, поэтому исхудавшее лицо словно обтянуто кожей, и она улыбается мне такой вымученной улыбкой. От этой мысли у меня сжимается сердце, и я стараюсь не думать об этом. – У вас два классных юных джентльмена.

Она все смотрит на детей, сжав губы и думая о своем.

– Для меня они всегда останутся малышами, – шепчет она и часто моргает, отгоняя слезы. – Всего доброго! – прощается она и входит в игровую с сияющей, полной надежды улыбкой.

– Ну что? – раздается за спиной голос сестры Гэйл. – Как прошло первое дежурство?

– Отлично, – рассеянно шепчу я, глядя, как близнецы виснут на руках у матери. Конни такая хрупкая, но справляется с обоими, крепко прижимая к себе. Даже когда Эрик пытается выскользнуть из ее рук, она еще какое-то время удерживает его, крепко зажмурившись. Она обнимает их так, словно никогда от себя не отпустит. И я не могу не думать о том, что для нее каждое такое объятие может стать последним.

А что, если это так? Что, если я приду как-нибудь в субботу, а их больше нет? Разумеется, я же не слепая, и понимаю, что в такой больнице это обыденная реальность. Только теперь их смерть это не просто отвлеченная возможность: за ней конкретные лица и голоса. Похоже, я сейчас расплачусь. Нет, я должна это принять. И двигаться дальше. Но если я приму это, если я стану врачом, то сколько раз еще буду стоять и смотреть, как родители прижимают к себе своих детей? Сколько раз мне еще придется договариваться с собой? Смогу ли я когда-нибудь избавиться от этого холодка внутри?

Тревожные мысли толкутся у меня в голове, и вдруг я широко распахиваю глаза, сраженная внезапной догадкой. А ведь это впервые за последние девять лет – да-да, я впервые подумала не «когда я стану врачом», а «если».

Глава седьмая. Тесен мир

– Как там Принстон?

– Ошеломляет, – со вздохом признаюсь я. – В четверг и пятницу заблудилась, пока искала нужную аудиторию. В результате опоздала и явилась, когда преподаватели уже знакомились со студентами. У меня чуть припадок не случился. – Ведь я никогда не опаздываю на занятия. И знала, что территория кампуса очень большая, но только сейчас поняла, насколько. Чтобы избежать подобных недоразумений в будущем, составила план, как добираться на остальные лекции.

– Жуть! А сегодня ты должна была поехать в больницу, так? Ну и как тебе? – спрашивает Кейси, а я с трудом ее слышу на фоне воплей Мии и маниакального гогота нашего друга Бена.

– Понравилось. Там есть два мальчика...

– Подожди-ка, Ливи! – Слышу какой-то шорох, как будто она прикрывает микрофон ладонью. – Ребята, ну я же говорю с Ливи! Неужели нельзя... заткнуться?! – Потом слышу «Привет, Ливи!» и топот, от чего у меня сердце сначала радостно ёкает, а потом сжимается. Убрав ладонь, Кейси говорит: – Извини, Ливи! Ты же знаешь, какой у нас дурдом в субботу вечером.

Завистливо вздыхаю. Да, я прекрасно знаю, как у нас проходят субботние вечера. Кухонный стол на восемь персон мал для всей честной компании. Кроме нас с сестрой и Трента, обязательно заходят знакомые из клуба «У Пенни». Иногда заглядывает хозяин нашей старой квартиры, Таннер. Наверное, сейчас Шторм убирает со стола, а Дэн моет посуду – если сейчас не на дежурстве и не отлавливает преступников Майами. Это очень разношерстная компания, но все равно это... семья. Это дом.

Обвожу глазами комнату в общежитии и вздыхаю. Здесь чисто и уютно, только не знаю – когда новизна пройдет, буду ли я здесь чувствовать себя как дома.

– Ну и что там в больнице? Говоришь, познакомилась с двумя мальчиками? – Слышно, как хлопают дверцы буфета, значит, Кейси сегодня дежурная по кухне и, общаясь со мной, убирает со стола после ужина. На кухне Кейси подобна урагану.

– Да. Близнецы. Эрик и Дерек.

– Да ладно! – Я словно вижу, как сестра закатывает глаза.

– Представь себе. Такие классные малыши.

– И у них. – Она не договаривает. В этом нет необходимости, и сердце у меня снова сжимается.

– Но прогноз хороший. – Хотя я не уверена в сказанном, я произношу это намеренно – так нам обеим будет легче. На обратной дороге у меня было много времени, чтобы все хорошенько обдумать. Я отдаю себе отчет в том, что первый день в детской клинике с больными, может быть, даже смертельно больными детьми – это серьезное испытание. Со временем все придет в норму. Наверное, когда поступлю в медицинский, первое занятие в морге тоже будет для меня шоком. У всех так бывает. Это естественно. И вовсе не означает, что медицина это не мое призвание, и я с этим не справлюсь. Когда вечером я вернулась в общежитие, тревожные мысли отступили. Однако горечь после разговора со Штейнером усилилась многократно.

[Купить полную версию книги](#)

Джелло-шот, или желе-шот (англ. Jell-O shot) – коктейль в виде разноцветного алкогольного желе из крепкого спиртного и сока. Здесь и далее примеч. перев.

Patrón – знаменитая марка текилы.